

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин

...И тут вдруг он перестал слышать, что говорит Усанков. Басовитый раскатистый голос отдалился, неразличимо вошел в звук работающего мотора. Произошло это, когда они свернули на фонтанку, въехали в белую ночь. Оказывается, в городе уже наступили белые ночи. Между гранитными стенами набережных покоилась сияющая полоса воды, она была светлее, чем небо. Вода была серебряно-гладкой, неподвижной, от нее шел свет. На набережных никого. Теплынь. Все замерло, только на мостах бесшумно перемигивались светофоры.

Зелень в этом году распустилась рано. Лета еще не было, а было то счастливое время, когда все согревается – дома, реки, земля; когда все очистилось, отмылось от зимы и приготовилось...

Как всегда, в пору белых ночей Сергей Игнатьевич испытывал душевную сумятицу, так бывало и в молодости, и сейчас, – тоска оттого, что вот еще одна прекрасная весна уходит, и печаль и восторг от этого негаснущего высокого неба, когда свет льется не поймешь откуда, легкий, белесый. Все украшения, выступы на фасадах простирают четко и без теней. Каждая мелочь как будто специально высвечена. Красота эта не могла быть просто так, она должна была чему-то соответствовать в жизни Сергея Игнатьевича Ильина, но ничего в этой жизни не происходило. Жизнь его размеренно катилась, подрагивая на стыках лет, и давно уже пропускала мимо ушей эти неясные призывы. В студенческие годы он, не будучи в силах заснуть, долго бродил по светлым набережным, выходил на фонтанку, на Неву, встречал таких же одиноких, растревоженных белыми ночами прохожих. Ждал, что с ним что-то произойдет. Кого-то он встретит, кто-то обратится к нему, что-то не поймет, или откроется что-то поразительное. Ничего такого не произошло, и теперь уже ясно, что ничего не произойдет. Ему еще не было пятидесяти, когда-то молодое студенческое время выглядело смешным, теперь же – милым, романтическим. Все годы оно отдалялось, стиралось из памяти и лишь теперь остановилось, даже стало приближаться. "Признак старости", – подумал Сергей Игнатьевич и поехал медленнее, чтобы Усанков тоже мог полюбоваться белой ночью. Усанков был московский начальник и приятель Сергея Игнатьевича.

Только что они увлеченно обсуждали, как лучше употребить материалы, полученные сегодня Усанковым от бывшей жены их шефа. С мстительной памятью она сообщила, какие он брал подарки, что преподносил другим, какие ковры, шкатулки, отрезы; не стеснялся брать деньгами. Глухие толки о ф.~ф.~Клячко ходили давно, прежде всего он славился своим невежеством. Дошел до замминистра под девизом: "А зачем мне это нужно?" Ничего нового не пускал, из-за него КБ Ильина год за годом латало старую технологию, кидало мелочевку, верняк. Его терпеть не могли, и боялись, и поносили заглазно. Единственным, кто решился на борьбу с ним, был Усанков. Действовал он скрытно, со всеми предосторожностями, поскольку Клячко был хитер и безжалостен. И вот подвалило, повезло. Усанков не мог успокоиться прохвост, лицемер, ловчило, хапуга, жулик... Немалый свой набор Усанков обогатил еще словарем бывшей супруги шефа, которая дала подробные определения его мужским качествам, а также гигиеническим сведениям, накопленным за годы совместной жизни.

– Копаться в этой грязи противно, – признавался Усанков. – Но ведь иначе не достанешь Клячко. А здесь его ахиллесова пята, здесь мы его ухватим.

Сергей Игнатьевич кивал, говорил "надо так надо", "ну и ну, кто бы подумал, вот ведь подонок", но все это машинально, как машинально следил за дорогой, переключая скорости. Чувства же его были заняты этими светлыми пустынными улицами. Ему хотелось остановиться, побыть в тишине, услышать, как течет вода... Вместо этого он должен был вникать в борьбу, затеянную Усанковым, быть на его стороне, сочувствовать ему.

Окна верхних этажей слепо блестели. нигде не горел свет. Женщина в платке стояла на одном из балконов и смотрела в небо.

Вдруг он подумал, что с тех пор как ему осточертело спорить с министерством и он махнул рукой на свою работу, перестал читать литературу, его все чаще отмечали премиями, репутация его как исполнительного руководителя поднялась, уже год как его назначили начальником конструкторского бюро. Получалось, что наверху довольны его безразличием. Карьера безразличных – он усмехнулся и сказал:

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- А вот это Шереметевский дворец.

- Да, да, замечательно, - подтвердил Усанков с некоторым недовольством. - Помнишь, как наш сопроматик говорил: у нас теперь будут не белые ночи, а черные дни! Так и я...

На площади у цирка неба стало больше. Стенки голубых фургонов были разрисованы пумами, тиграми.

- Ты что, меня не слушаешь? Имей в виду, я на тебя ссылаюсь, тебя вызовут.

- Я что, я пожалуйста, - сказал Сергей Игнатьевич. Получилось равнодушно, и он горячо добавил: - Ты молодец, давно пора кончать с ним.

Машина выехала на аллею к Михайловскому замку. Впереди тускло чернела огромная фигура бронзового Петра. Постамент растворился, исчез на фоне серого камня дворца, и всадник шествовал в воздухе, а за ним двигался словно бы строй, плотная масса полков, и тоже над землей. Призрачное освещение создавало этот эффект или что-то другое, Ильин сбавил газ... Когда-то, в школе, у них преподавал историю Тим Тимыч, он возил их сюда; этот памятник Петру нравился ему больше Медного всадника, он показывал барельеф, где рядом с Петром изображен Алексашка Меншиков, единственный ему почет, рассказывал происхождение надписи, про отношения Павла с матушкой своей, Екатериной... У Тим Тимыча история состояла из неразгаданных происшествий, заговоров, похищений. Вчерашний фаворит куда-то исчезал, разумный проект вдруг рушился, секретные бумаги пропадали...

Сергей хотел стать историком. Долго школьная эта мечта сопровождала его, вспомнив о ней, он попробовал представить несостоявшийся вариант своей судьбы. Историк... архивы... документы... связки бумаг... Неведомая жизнь историка показалась куда интересней унылой вереницы прожитых лет, которые потрачены на расчеты, проекты, согласования. Большая часть впустую, пухлые тома, что пылятся во тьме шкафов. Списаны по акту, неосуществленные, отмененные, не вошедшие, ныне ни на что не годные... А собственно, почему он не решился тогда, после школы? Отец не разрешал? Тетка отговаривала?..

- Тут все средства хороши, - сказал Усанков. - Дело-то правое. Грех не воспользоваться случаем.

Замок приближался, наверху багровый, внизу серого гранита, насупленнонеприступный. Мостовая, выложенная диабазом, глянцевиито блестела. Черный этот поток вытекал из мглы ворот, спускался к памятнику.

Неужели жизнь разыграна неудачно, думал Сергей Игнатьевич, и теперь все поздно, поздно даже чувствовать себя несчастливым. Не те годы... Ошибка была в дебюте. Надо было жертвовать, рисковать. Ходы сделаны. Обратные ходы не берут. Он попробовал улыбнуться, растянул губы, но внутрь улыбка не проникла, примирение не состоялось.

Печаль мягко прильнула к нему, и он не отталкивал, не собираясь возвращаться к хитросплетениям Усанкова, его расчетам и комбинациям.

Словно щель приоткрылась и он увидел зеленую долину, куда он побоялся спуститься: холмы, за ними море... Ничего уже не изменить в своей жизни, и надо доживать... А так ли это - вдруг прозвучало строптиво. Откуда прозвучало, что означал этот вопрос?

Надо было свернуть влево, на Садовую. Ильин машинально кинул взгляд на боковое зеркало, и то, что он увидел, заставило его затормозить. Три человека, один за другим, пересекая его дорогу, направлялись к замку. На головах у них были треуголки, зеленые длинные мундиры блестящие золотыми пуговицами, широкие, песочного цвета отвороты и обшлага, лакированные башмаки отбивали шаг по мостовой. Трое гуськом прошагали перед самой машиной, не обращая на нее внимания, глядя вперед. Под треуголками болтались белые косички париков. Шпаги торчали между фалдами мундира. Ильин остановил машину, замер, любуясь ими, так романтично и прекрасно было появление их в этом месте, в эту минуту, как будто он приготовил сюрприз для Усанкова.

- Смотри, смотри, - Усанков толкнул его в бок. - Как идут!

- Это павловские офицеры.

Были видны их молодые, сосредоточенно-отрешенные лица. Последним шел бледный, худенький, совсем юный офицер, тонкая шея его болталась в слишком просторном алом воротнике, он шагал, чуть поотстав, озабоченный, хмурый, держа руку на эфесе шпаги. Что-то примечательное показалось Сергею Игнатьевичу в изгибе его крепко сжатых губ, в том, как бодливо он наклонял голову, так что треуголка наползла ему на глаза. Не оглядываясь, прошагали они прямо в распахнутый темнеющий проем ворот. Нитяные чулки их были забрызганы грязью, кроме того, Ильин запоздало отметил некоторую обтрепанность их мундиров и косо стоптанные каблуки у замыкающего.

- Киносъемка, - определил Усанков.

Насчет киносъемки Ильину тоже пришло в голову, когда же это произнес Усанков, показалось странным, почему кругом не было ни души, ни машин, ни аппаратуры. В глубине подворотни не произошло никакого движения.

Ильин подъехал к воротам, поставил машину на тормоз, предложил пойти посмотреть. Усанков отвалился на сиденье, зевнул.

- Сходи сам, если что интересное, позови.

Пройдя глубокую подворотню, где среди мраморных колонн слабо горели лампочки, Ильин остановился перед замкнутым светлым многоугольником двора. Ему всегда нравилось это геометрически правильное пространство, такое симметричное, четко равнозначное. Ряды окон тянулись одинаково темные, нигде ни огонька, в стеклах отражалась бледная заря. В этом-то и особенность белых ночей - светит все небо, отовсюду. Укрыться во дворе было негде, камень, плиты, ни тени, ничего - ровная пустая площадь. У самого входа стояла застекленная вахтерская будка. В глубине ее сидела женщина в красном берете, черная шинель накинута на плечи. Сергей Игнатьевич постучал ей в стекло. Женщина открыла окошечко.

- У вас тут что, съемки? - спросил он.

- Какие еще съемки?

- Кино... Или телевидение, - добавил он.

- Ничего не знаю.

- А куда прошли те трое?

Она сняла берет, помотала головой, длинные рыжеватые волосы ее рассыпались по плечам.

- Все закрыто, - сказала она. - У нас не разрешается.

- Послушайте, мы же видели, - строго сказал Сергей Игнатьевич, - Вошли трое, в таких костюмах...

Вахтерша улыбнулась, у нее были очень белые маленькие зубки. Улыбка была быстрой и неясной.

- Каких костюмах? Вот вы попробуйте... - но она не кончила, резко и требовательно прогудела машина, еще и еще раз. - Вас зовут? Идите, я ворота запираю буду, - она захлопнула дверцу и вышла из будки.

- Вы что-то начали... Вы сказали "попробуйте".

Она оказалась грудастой, приземистой, совсем не молодой. Ничего не ответив, стала тянуть огромную створку ворот.

- Нет, серьезно, они мне нужны, - сказал Сергей Игнатьевич.

- Зачем? - она спросила так всерьез, что Сергей Игнатьевич растерялся.

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
- Видите ли, там один из них... - он запнулся, в это время снова раздался гудок протяжный, хлопнула дверца машины.

Женщина рассмеялась.

- Нетерпежный.

Навстречу ему шел Усанков.

- Сколько можно?

- Извини... Не разбери-поймешь. Вроде нет никаких съемок.

- Нет, и не надо, - сердито сказал Усанков. - Чего тебе приспичило?

- Она знает и не отвечает.

- Значит, не так спрашиваешь. Я вижу, тебе лишь бы уклониться.

Ильин, кротко вздохнув, поспешил заверить Усанкова в готовности поехать вместе с утра к бывшей жене шефа.

Ворота медленно закрывались за ними. Машина шла уже по мосту через Неву, когда Ильин, не выдержав, перебил Усанкова:

- Куда ж они могли деться?

Чем дальше они отъезжали от Михайловского замка, тем больше занимало его появление этих трех офицеров. Множество предположений, самых простейших и самых фантастических, возникало у него, он хотел обсудить их с Усанковым, но тот увлечен был своими планами компании против Клячко.

Машина шла по Кировскому проспекту, прямому, ровному. Дома выстроились, как на параде, отборно подтянутые, щеголеватые. Перекрестки, мосты, блеск трамвайных рельсов, кошка, идущая через улицу, красного кирпича церковка Мальтийского ордена где-то в глубине, за ней дворец Павла, самого несчастного русского императора, как, жалеючи, называл его Тим Тимыч.

Он довез Усанкова до гостиницы, и там долго Усанков не отпускал его и опять яростно доказывал, и Сергей Игнатьевич послушно кивал, даже что-то советовал, хотя вся эта опасная интрига перестала его занимать.

Дома, лежа в постели, Ильин вспоминал неуместную улыбку вахтерши, надо было расспрашивать настойчивей, напрасно он послушался Усанкова. Трое офицеров проходили перед ним снова и снова, вполне отчетливо, он рассматривал их, как на экране, каждую подробность, пытаясь понять то странное, что было в их облики.

Через два дня Усанков уезжал в Москву. На вокзале Усанков, прохаживаясь по перрону, был возбужден, тугое щекастое его лицо потно блестело. Факты на замминистра удалось получить, как он выразился, "обжимающие". Теперь надо было с умом пустить их в ход.

Вдоль вагонов "Красной стрелы" стояли проводники в белых перчатках. Пахло угольным дымком. Прошел негр в меховой шубе вместе с высокими японцами. Сергей Игнатьевич задумчиво смотрел, как Усанков говорит, челюсти его двигались равномерно, словно он пережевывал каждую фразу.

- Я выяснил у киношников, никаких съемок в замке не было, - вдруг сказал Ильин.
- В театрах тоже ничего исторического не шло.

Усанков не сразу сообразил, о чем это он.

- А-а-а, те ряженные... Ну и что?

- Надо же выяснить, - сказал Ильин. - Нельзя же так оставить.

Усанков обвел глазами округлую, рыхлую фигуру Ильина так, что тот смутился.

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
- Лично у меня хватает чертовщины и без этого, - сказал Усанков. - Мало ли что бывает. Охота тебе...

- Значит, по-твоему, пускай разгуливают привидения в центре города?

- Заяви в горисполком. Их дело за порядком следить. Тебя-то что зацепило? Привидения, тем более военные, не относятся к нашему министерству.

- Ты помнишь того третьего? самого молоденького? Он последним шагнул, петушком таким... - Ильин допытывался, сохраняя шуточный тон, но это ему не удавалось. Случившееся не давало ему покоя. Особенно воспоминание о том младшем. Перед тем, как ехать на вокзал, он вытащил старый чемодан с антресолей, достал оттуда пакет, завернутый в пожелтевшую "вечерку". Среди старых фотографий нашел наклеенную на картон фотографию девятого класса. Вот что ему было нужно: Сережка Ильин, в курточке, в кедах, волосы длинные, сидел на полу, скрестив ноги, в первом ряду, под восседавшим над ним Тим Тимычем.

Вот эту фотографию он сейчас показал Усанкову.

- Тебе не напоминает этот пацан его?

Усанков вгляделся, пожал плечами.

- Это кто?

- Я.

- А он? Он кто? Мало ли кто на кого похож. Что из этого следует?

- Нет, ты посмотри, - настаивал Ильин.

Усанков решительно отстранил фотографию.

- Послушай, Серега, кончай. У меня от твоих фантазий кислотность повышается... И вообще, о чем ты? - с укоризной сказал он. - Все качается, трещит, эти гады того и гляди ринутся на нас. Действовать надо, действовать! А ты... Чем ты занят, разве можно себе позволять...

В начале июня Ильин отправил семью на дачу к родителям жены. Опустелая квартира стала большой, гулкой.

Всю ночь горел закат, в середине алый, дальше золотой. Густое это золото плавилось, растекалось далеко по небу. Ильин открыл окна. Сквозняк вздувал занавеси, качал абажур. Под утро Ильин встал, не зажигая огня, подошел к зеркалу, долго вглядывался в лицо, освещенное молочным светом. Он щурился, супился, пытаясь отыскать среди заплывших черт прежний молодой рисунок, тот, с чего начинался Сергей Ильин. Размеренная жизнь с мелкими неудачами и мелкими радостями опутала его лицо морщинками, мягкими складочками, щеки обвисли, залысины уходили высоко. Потеря шевелюры доставила Ильину много страданий, впрочем, и с этим пришлось примириться, как примирился он и с другими потерями.

Не без труда восстанавливал он воспоминание о себе молодым. Вдруг в глубине зеркала что-то сместилось и возник тот русский офицерик с длинной шеей, с упорно хмурым взглядом.

С утра Ильин отправился в Публичную библиотеку. Воскресный народ толпился во всех отделах. Ильина посылали от одного сотрудника к другому. Не могли понять, что ему надо. Объяснял он слишком общо и уклончиво. Первые дни, когда он пытался заинтересовать домашних тем случаем у Михайловского замка, все хмыкали и тут же обрадованно выкладывали свои истории про экстрасенсов, телепатов, куда удивительнее, чем явление трех офицеров. Однажды в компании, когда он опять принялся за свой рассказ, он поймал испытующий взгляд жены. По дороге домой она сказала как бы между прочим: "надо бы тебе выкинуть это из головы".

Что-то в ее тоне насторожило. Рассказывать он перестал. Но история эта жила в нем, не находя разгадки. Избавиться от нее оказалось не просто, да он и не хотел, она уже не мучила, она скорее грела его.

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
В читальных залах за письменными столами сидели люди с отрешенными
сосредоточенными лицами. Шелестели страницы, шуршали карандаши, воздух был
наполнен сдержанно напряженным гудом.

Дежурная пыталась вникнуть в смысл его путаной просьбы. С мученической
терпеливостью она допытывалась, какую эпоху ему надо, фотографии или рисунки,
описания или историю. Сзади росла очередь. Ильин вспотел, ему казалось, что за
спиной посмеиваются. Он боялся, что замороженная эта въедливая женщина не
выдержит и спросит, зачем, собственно, ему нужно все это. Он извинился,
забормотал, что не стоит беспокоиться, он придет в другой раз, он уточнит, она
расправила лицо, сделав вид, что поняла, и вручила его какой-то грузной усатой
женщине, та, не дослушав, повела его в хранилище, затем по чугунным витым
лесенкам, переходам и определила в какой-то закуток между книжными шкафами.

- Вам что нужно, описания оружия, уставы, формы, истории полков?..

Она вытягивала ответы, задумчиво изучая его потную физиономию. Наверное было
что-то странное, может, подозрительное в его бестолковости. В сущности, он был
невежда. Он понятия не имел об армейских прическах, париках, косах, о
металлических знаках, об отличии гвардии от армии. Чего он приперся? Что он
донимает занятых людей своим бредом, пустяковиной?

- Это что, для театральной постановки?

Он обрадовался.

- Вроде этого.

- Спектакль?

- Нет, кино, - соврал он, по-видимому, для значительности.

- Что за фильм?

- Художественный. "По дороге к замку"... Но это условно, - добавил он.

Она сморщилась от его вздора.

- Подождите.

Он остался один, шкафы уходили под потолок, красного дерева, с толстыми
зеркальными стеклами. Корешки с золотым тиснением. Тысячи книг, которых он
никогда уже не прочтет. Прекрасные старинные книги. Он вдруг подумал, что те
старые книги, какие ему попадались, всегда были интересные. Наверное, среди них
было меньше глупых, чем нынче. Так же как старые дома. Они всегда были красивы.
Не то что новые. В старые времена были люди и поумнее и поталантливей. Его
удивила эта мысль.

Женщина принесла два альбома и несколько книг. Один альбом был большой, тяжелый,
второй поменьше, книги в зеленоватых кожаных переплетах с оттиснутой короной.

- Можете заказать фотографии, - и эта усатая женщина стала пояснять, как надо
оформить заказ.

Наконец он остался один. Рисунки были исполнены в красках. Формы офицерские,
генеральские, солдатские, красная епанча, или, как там было написано, "эпанча".
Шарфы через плечо, плюмажи с белыми и красными перьями. Все усатые, бравые,
плечистые... Усы торчали то пиками в стороны, то лихо подкручивались вверх.
Шаровары сменились лосиными брюками, потом просто брюками. Солдатики горбились
под тяжестью ранцев, больших ружей, выпрямлялись, утоньшались, затянутые в узкие
мундиры, узкие шинели, ремни то черные, то белые. Он искал лакированные башмаки,
эполеты, галуны. Формы менялись круто. Ильин не знал, почему. Перед ним, словно
на параде, проходили полки пехоты, артиллерии, маршировали гренадеры, ехали
гусары, уланы, кирасиры, драгуны. Зимние формы, парадные. Послушно шагали
куда-то, стояли на часах, выносливо держа на головах высокие кивера, похожие на
перевернутые ведра, меховые шапки, несли алебарды, шпаги болтались сбоку,
длинные сабли, палаши. Они смотрели на него как живые. Нарисованные простенько,
вроде безлико, они тем не менее различались, то ли форма придавала им характер,

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru повадку, то ли припудренные парики, букли меняли выражение лиц. Он сравнивал, любовался, примеривал, по-детски захваченный игрой в солдатики. Время от времени среди картинок мелькало знакомое, не поймешь что. Воспоминание?.. Но очень слабое, оно поднималось из каких-то глубин и гасло не дойдя. Как будто когда-то он их видел или слышал про них.

Он откидывался на спинку стула, смотрел в потолок. Среди пыльных лепнин вместо того бледного мальчика под тяжелой треуголкой возникла щекастая улыбка Усанкова. Форма разных полков имела небольшие различия, память никак не могла их уловить. Треуголка, кажется, имела кокарду. На ногах, скорее всего, были чулки с подвязками. Фалды мундира были. Воротники, обшлага – их имелось множество схожих, разница в мелочах – цвет, канты, – поди разберись. Воспоминание размывалось этим подобием, этой обманной близостью. Единственное, что он понял, что форма относилась к павловскому правлению. Позже мундиры становились короче, упразднились плащи, а на тех были плащи. Полой плаща тот, последний, скользнул по дверце машины. Коснулся стекла.

В альбоме офицеры выглядели испытанными вояками. Суровые, мужественные командиры. Ильин тоже расправил плечи, насупился. Мягкий подбородок его отяжелел. Где-то далеко-далеко запиликала флейта, отозвался барабан, по зеленому лугу шли полки... Откуда он знал этот старинный марш?

Он открыл глаза. Перед ним у стола стоял старичок, скособоченный, заросший изжелта-седенькими волосами, словно пухом. Горло его было замотано шарфом. Сквозь толстые очки смотрели неприятно увеличенные светло-серые глаза с огромным черным зрачком.

– Могу ли я быть вам полезен? – осведомился старичок.

От его голоса Ильин вздрогнул, понял, что старик этот не привиделся ему.

– Вам какой период требуется?

– Да я просто так, не беспокойтесь.

– Отчего же, для меня труда не составляет, я же вижу, вы в затруднении, поэтому и осмелился, – он произвел какой-то приглашающе галантный жест рукой. Пальцы у него были желтые, прокуренные, и лицом он тоже был темно-желт. – Да вы не извольте церемониться со мной, я только рад...

И он одним глазом подмигнул, поклонился. Любезное это движение, старомодная его речь успокоили Ильина.

– Видите ли, у меня вопрос несколько... – он нерешительно замолчал.

– Если насчет форм обмундирования, то можете мной располагать, старичок, наклонив голову, шаркнул ногой. – Альберт Анисимович, историк, архивист, ныне музейный сотрудник, сам почти экспонат, – он хихикнул, дохнул на Ильина табачищем, заглянул в раскрытый альбом. – Павловские мученики? Им эти панталоны все промежуточные натурали, – он приблизился к Ильину, заглянул ему в глаза. – Можете меня, старого дурня, высмеять, но я полагаю, что ни семеновцы, ни преображенцы не рвались защищать государя-императора из-за этих панталон. Сил не было больше выносить их. У офицеров, у тех лосины. Вы знаете, как называют лосины? – Он вновь захихикал. – Тоже муки адовы.

Длинным нечистым ногтем он тыкал в рисунки на ремни, пряжки воротники, рассказывал, чем они отличаются у разных батальонов.

– Превосходно, что вы стараетесь уточнить. У нас сейчас кошмарные ляпы повсюду. Смотрю фильм про екатерининского генерала, а на нем эполет. Каково?

И не найдя потрясенности у Ильина, сказал с отчаянием:

– Представьте, если бы вам показали на экране, как железнодорожник командует парадом!

Посмотрев на вялую улыбку Ильина, он вздохнул и как-то разом, потеряв интерес, извинился и исчез так же бесшумно, как появился.

Некоторое время Ильин тупо смотрел в лежащий перед ним альбом, затем вскочил. Как он и ожидал, Альберта Анисимовича он разыскал внизу, в курилке.

- Слава богу, я боялся, что вы совсем ушли, обиделись, - сказал ему Ильин. - У меня такое дело, не знаешь, как подступиться. Надо выяснить, а что... мне не важно, поверите вы, мне другое надо...

Ему помогало, что Альберт Анисимович слушал рассеянно, попыхивая папиросой, словно бы его отрывали от дела. Ильин попросил у него папиросу, закурил. С отвычки голова кружилась, темное лицо старика поплыло, закачалось. Удерживая его, Ильин взял Альберта Анисимовича под руку. Про тех трех офицеров у него выходила какая-то нелепица, дичь, получалось, что это офицеры, никакие не ряженые. Он заметил, что говорит об этом с уверенностью, но поправляться не стал. Будь что будет. Альберт Анисимович кивал, ничего не спрашивал.

- Если б я был один, - сказал Ильин, - тогда конечно, но нас было двое, почудиться обоим не может. Верно?

Альберт Анисимович не отвечал, невидяще смотрел в его сторону.

- Мы с Усанковым вполне трезвые, так сказать, ответственные товарищи. Мне самому странно, даже как-то не по себе.

- Отчего же?

Ильин оглянулся, снизил голос.

- Я думаю, что это была их собственная одежда. Доказательств у меня нет, предъявить не могу. Каблуки стоптаны...

- Каблуки, - повторил Альберт Анисимович, бросил папиросу в урну. Пойдемте! - и потащил Ильина по лестнице, по переходам обратно в тот закуток, к оставленному альбому. - Показывайте, в чем они были.

- В том-то и штука, - сказал Ильин. - Я запутался.

- Когда это было? Точно, если можно, какого числа?

Подумав, Ильин сказал, что 19 мая. Альберт Анисимович пожевал губами, что-то вычисляя. Близорукие глаза его смотрели на Ильина в упор.

- Они шли без солдат?

- Без.

- Втроем... В плащах... Спустия полтора месяца... - бормотал он. Почесал за ухом. Поцокал языком. Перевернул несколько страниц, задержался на одном листе, где беседовали поручики, капитан и, кажется, полковник, ткнул пальцем. Длинный его желтый ноготь пришелся на короткий распахнутый плащ поручика, под плащом виднелся темно-зеленый мундир. - Они?

Рисунок мало чем отличался от соседних листов. Ильин вгляделся.

- Да, они, - подтвердил он тихо.

- Любопытно. Весьма... - Альберт Анисимович отошел и зашагал туда и обратно вдоль стола. - Ночью?

- Около двенадцати было.

- Несли чего-нибудь?

- Не заметил. Вроде нет.

- Ничего не говорили?

- Я... то есть мы ехали в машине, так что не слышно, - Ильин виновато пожал

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru плечами.

- Жаль, - строго сказал Альберт Анисимович.

- И потом мы сами разговаривали.

Альберт Анисимович молча шагал. Потом спросил:

- Это о чем?.. Говорили вы о чем?

Ильин хмыкнул, почесал голову, сказал удрученно:

- Так, о мерзостях нашей жизни... Мне кажется, они шли по делу.

- Почему так полагаете?

- Не знаю... Они озабочены были.

- Н-да-а, немного.

- Они никакого внимания на нас... И в замке не было никого. Хотите, я попрошу, мой товарищ пришлет свое описание. Он москвич, будет еще свидетельство.

- Давайте, давайте, пусть пришлет... - Альберт Анисимович посмотрел на Ильина подозрительно. - Свидетельство чего?

- Что все так и было.

- Тш-ш-ш, - зашипел Альберт Анисимович, словно бы к чему-то прислушиваясь.

Ильин подождал, потом сказал:

- Еще, надо добавить, они шагали в ногу.

Альберт Анисимович поднял палец, застыл с полуоткрытым ртом, затем лицо его осветилось, сияние пошло от всей его сухонькой фигурки.

- Вполне возможно. Одни смотрят, другие видят. Само провидение привело вас в эту точку. Почему, это другой вопрос. Вы увидели. На слепого очки не подберешь, верно? Теперь мы с вами поддержим Собедкова! - он ударил кулачком по воздуху. - Я был прав! Имелись и среди них порядочные люди.

- Вы про них?

- Я давно подбирался, - торжествуя, сказал Альберт Анисимович. - Это наш старый спор. И тогда им совестно было. Стыдно. Совесть - зерна творца, это вневременное, она живет по вечным законам.

- По-вашему, они кто?

- Э-э, любезный, не суть важно. Полк вам известен.

- Я ведь, честно говоря, не для кино ищу. Я для себя. Мне надо... Тут такое странное совпадение.

- Да бросьте вы оговариваться, - Альберт Анисимович улыбнулся ему всем своим лицом, множеством мелких морщинок. - Не бойтесь прослыть, не бойтесь странного.

- Но разве такое бывает? - с осторожностью, не уточняя, спросил Ильин.

- Бывает, что и вошь кашляет, - и Альберт Анисимович хохотнул. - Все бывает - привидения, пророчества, чудеса, откровения. - Он быстренько оглянулся. - Материалисты этого лишены.

- Поскольку вам вопрос прояснился...

- Тьфу, тьфу, тьфу, - суеверно поплевал Альберт Анисимович через левое плечо. - Искать и проверять еще надо, любезный.

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Я в том смысле, если бы найти персонально... Чтобы установить фамилию.

- Э-э, зачем вам? Важен факт.

- Но вы же сами подчеркнули, что, может, я не случайно оказался. Я поэтому хотел.

- Правомерный ваш вопрос, - перебил его Альберт Анисимович с некоторым нетерпением. - Участвует в этой случайности и ваша личная составляющая.

- Какая?

- Откуда мне знать. Чужая душа потемки, в своей и в той окошка нет. Вы, голубчик, сами должны разобраться. Однако, прошу прощения, мне пора, - с этими словами Альберт Анисимович отвесил церемонный, почти театральный поклон и исчез бы, не ухвати его Ильин за рукав.

- Погодите, так нельзя, как же я узнаю?

- Вы здесь бываете?

- Нет, откуда... да и где вас искать? Я вам самого главного не сказал. - Ильин крепко держал его. - Произошло совершенно невозможное совпадение, и с разбегу рассказал о сходстве своем с тем третьим. Никакого удивления у Альберта Анисимовича не появилось, он согласно кивал, приговаривал: прелестно... любопытно.

- Позвольте осведомиться, что вас, собственно, беспокоит? - спросил Альберт Анисимович.

- Да как что? Да как это может быть?

- Я полагал, вам важно, что сие было. Также, что сие явление означает. А как да почему, это увольте, это не по моей части, - все это Альберт Анисимович произнес строго, разъясняя Ильину, как бестолковому посетителю.

- Так ведь поверить невозможно! - воскликнул Ильин. - Вы требуете от меня суеверия.

Альберт Анисимович покачал головой сочувственно и даже опечаленно.

- Несчастное ваше поколение.

И этот тоскливый взгляд, и эта жалость были знакомы Ильину, у него самого появлялось похожее, когда приходилось иметь дело с очередным "чайником" - чокнутым изобретателем. Все происходящее дурацки перевернулось - этот полоумный старичок жалеет Ильина, считая его неполноценным. Это было нелепо, но Ильин хотел, чтобы старик высмеивал его, разубеждал. Нельзя было отпустить Альберта Анисимовича просто так, чтобы все оборвалось. Телефона у него, как он заявил, не было. Ильин заставил его записать свой служебный и домашний. Сделал это Альберт Анисимович неохотно, на папиросной коробке.

- Вы же потеряете, - сердито сказал Ильин.

- Зачем же.

- У нас все так - обещают, лишь бы отцепиться.

Серенькие глаза Альберта Анисимовича потемнели.

- Это у вас обещают, - голос его похолодел. - А у нас не так, - и вдруг, легко высвободив свою руку, попятился, свернул за шкаф. Шаги его там сразу оборвались.

- А фамилия ваша? - крикнул Ильин, рванул за ним, но обнаружил тупичок, выгороженный книжными стеллажами.

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Усанков не соглашался под таким документом ставить свою подпись. Смешно. Имя его кой-чего значит, с какой стати рисковать своей репутацией. Тем более сейчас вообще не с руки. Разговор шел по междугородному телефону, и Усанков перешел на обиняки, недомолвки, условный язык, из которого явствовало, что Клячко откуда-то пронюхал про собранный на него материал и принимает меры. Закопошились совершенно непредвиденные люди. Самый что ни на есть змеевник вспугнули. Похоже, связи тянулись далеко. Те, кто обещал помощь, притихли. Насчет Усанкова, по-видимому, Клячко что-то вычислил, Ильин же вне подозрений. Он, Усанков, отступить не намерен, даже если его засветят, он пойдет до конца. Сейчас помог бы сигнал откуда-нибудь со стороны, например, если б появилось письмо из Ленинграда, на другом материале. Насчет компетентности, пьянок, застолий... Необязательно подпись ставить. Ни слова "письмо", ни слова "аноним" Усанков не произнес, но все было понятно. Что он себе позволил, так это пошутить: ему подпись не нужна, не то что Ильину.

- Одно другого не касается, - сказал Ильин, отклоняя намек.

- Касается, - жестко отрезал Усанков. - Нынче действует обмен: ты мне, я тебе. Твою чушь подтвердить, кроме меня, никто не может. Кстати, тебе куда этот документик?

- Одному экстрасенсу... Он духами занимается.

- Духами? Смотри, Серега... Пускай духами, только никаких публикаций! Идет?... Ты мне продиктуй.

Нет, Ильину было важно, чтобы Усанков сам описал все, как видел у замка, может, он припомнит такое, чего Ильин не заметил. Усанков же категорически потребовал, чтобы грамотку сегодня же отстукал, время дорого.

Голос звучал, как всегда, напористо, но впервые Ильин услышал еще и унылые нотки, никак не свойственные Усанкову. Когда-то они вместе кончали курсы усовершенствования. С тех пор Усанков преуспел, и справедливо, он имел хорошую голову, завидную уверенность, напор. "Обойдется!" - приговаривал он. И обходилось. Неприятности каким-то чудом всегда огибали его. А тут он сник.

После работы, отпустив всех, Ильин вышел в пустую приемную, сел на место секретарши за пишущую машинку. Сидеть было удобно, стул обложен подушечками, рядышком цветы, в ящичке резинки, карандаши, зеркальце, клеевой карандаш, целое хозяйство. Оттого что письмо анонимное, он выражений не выбирал, фразы не строил, получалось коряво - тем и лучше. Всего плохого, что наслышан был про Клячко, не перечислишь. Оно бы надо проверить, что сплетня, что факт, а тут ложилось без разбору, слухи - те даже охотнее лезли под руку, пристрой у них был, что ли, лучше. Клячко кроме беспостыльных шумных наездов с пустыми совещаниями, указаниями невежественными любил, когда ему устраивали провожание в ресторане, тосты в его честь произносились, чтобы славили его, в конце допытывался, что с него причитается, настаивал, "чтобы по справедливости", и вносил шесть, а то и семь рублей, больше ему никогда не позволяли. Кроме денег ему власть нравилось показывать, напоить до скотства, поссорить, стравить друг с другом... Постепенно Ильин разошелся, приятно было писать все как есть, без оглядки, не выбирая выражений, но заботясь о том, что последует. Вспоминалось многое из того запрятанного, о чем шушукались. Сколько раз хотелось ему выступить и показать ненужность проектов, которые они делали, сдавали досрочно; отжившие машины, которые покупали за валюту по дешевке, которые тянули за собой отжившую технологию. Ильин пытался изменить порядки. Но всех, и наверху, и в бюро, рутина устраивала, все получали исправно премии, ездили в нехлопотные командировки. У него накопились выступления, которых не было, произнесенные речи. Он составлял их по ночам перед коллегией или же после, мысленно оттачивая фразу за фразой. То были блестящие речи... Теперь кое-что из них всплывало в памяти. Он стучал, не заботясь о логике, с трудом поспевая за собой.

Пальцы его, отвычные от машинки, тоже вспоминали, набирали скорость. Креслице было окружено устойчивым запахом духов. Машинка электрическая, почти бесшумная. Горшки на подоконнике, а за окном светло. Солнце летнее, незакатное. Цветы - какие-то вьюнки, кактус цветет карминовым фонтанчиком. Десять раз на дню проходил он приемную и не замечал этой уютной мелочи, которая помогала чувству свободы.

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Получилось пять страниц. Он заклеил их в конверт, копию в карман. Письмо в ближний ящик не бросил, прошел еще два квартала до почты. Там опустил, оглянувшись, встретил чей-то взгляд, сразу же зашагал прочь. Как будто его выследили. Вспомнил, как на него приходили анонимки и кадровик пытался по почтовым штемпелям найти автора. Приезжали комиссии, выматывали душу. Понимали, что клевета, но все равно копались, некоторые с удовольствием: премии подсчитывали, командировочные, на какие денюжки купил машину? Однажды, на собрании выступая, он вдруг сорвался. Среди этих лиц в зале, где все знакомы, сидит как ни в чем не бывало анонимщик, из-за него подозреваешь честных людей, из-за него никому не веришь, а для того это радость, вместо краски стыда у него румянец здоровья.

Через несколько дней в Москву пришла новая анонимка: "Все выступления против себя Ильин считает клеветой", "Даже собственная совесть давно уже не смеет спорить с ним", фраза эта почему-то уязвила Ильина и запомнилась.

Анонимщика так и не нашли. Письма вдруг прекратились. Где он, тот трусливый пакостник, что с ним, может, теперь Ильин его устраивает? Кроме видимой жизни рядом с каждым человеком попутно идет невидимая, неизвестная ему жизнь, в которой знакомые люди о нем судят иначе, сообщают по-другому, имеют совсем другие физиономии, что-то творят с его судьбой.

Интересно, что, размышляя об этом, Ильин никак не считал себя анонимщиком. По отношению к Клячко у него не было ни обиды, ни злобы, им двигала справедливость. В этом он видел отличие себя от того своего анонимщика. Правда, было тут одно обстоятельство, которое смущало – если бы он подписался, то, спрашивается, смог бы он писать так же свободно? Вряд ли. Так что в интересах истины анонимность... На этом месте он запнулся. Конечно, подпишись он, и весь удар придется на него, ему бы приписали переговоры с бывшей женой Клячко, сбор сведений, даже если бы сняли Клячко, все равно считали бы Ильина интриганом. Значит, без имени потому, что это не опасно, вот отсюда и происходило смущение. Успокаивало то, что Усанкову лучше знать, что к чему. Усанков предложил анонимность. Ильин исполнил. Сверху виднее. Исполнительность избавляла от лишних забот. Он давно убедился: чем меньше барахтаешься, предлагаешь, споришь, тем спокойнее. Такое поведение оправдывало себя, все равно при нынешней политике ничего исправить было нельзя так, чтобы заняться настоящим делом. Никому это не нужно. Остается действовать с минимумом огорчений и неудач. С тех пор как Ильин перестал особо проявлять себя, все пошло своим путем, как в хорошо смазанном механизме.

Заподозрить автором письма Ильина не могли. В тексте он упомянул, как однажды Клячко со своими клеветами пировал в сауне, чуть пожар не устроили, среди участников перечислил и Ильина, назвал его прихлебавым, не без удовольствия назвал.

Опять был поздний вечер, такой же светлый, исполненный запахом липы, нежного тепла, стука каблучков по сухому асфальту. Пыхал закатный пожар, пылали от него верхние этажи домов, плавилась стекло. Все было похоже на ту ночь, когда Ильин вез Усанкова. Каким ничтожным казался тогда их разговор перед чудом белой ночи. Никак он не мог вернуть то сладкое чувство. Вот он идет, вроде свободный, может любоваться, дышать, так нет, что-то мешает, как будто кто-то следовал сзади, подсматривал. Ильин даже несколько раз оглянулся, потом круто свернул с Невского, вскочил в автобус. В автобусе было пусто. Он сел к окну. На Садовой, когда автобус стоял перед светофором, Ильин увидел на углу Альберта Анисимовича. Наверное, он шел из Публичной библиотеки. Белая панамка сидела набекрень, черный зонтик в руке, широкие спадающие штаны. Он выглядел странно в вечерней летней толпе. Почему-то никто не обращал на него внимания. Ильин застучал в окно, закричал ему. Вряд ли в уличном шуме можно было услышать, но Альберт Анисимович поднял голову, посмотрел прямо на Ильина. Ильин помахал рукой, потом стал пальцем как бы крутить телефонный диск, прикладывая трубку к уху. На это Альберт Анисимович сперва никак не отзывался, продолжал смотреть на Ильина, рассеянно ожидая, что он там еще выкинет. Потом кивнул неохотно. А почему неохотно, неизвестно. Автобус тронулся, надо было выскочить, попросить водителя открыть дверцу, вместо этого Ильин все смотрел, как Альберт Анисимович отдалялся, исчезал за срезом оконной рамы.

Через день со служебной почтой пришло письмо от Усанкова. Деловито, тоном милицкого протокола описывал он появление тех троих у замка, в чем они были, как прошли прямо в ворота и скрылись там. Новое заключалось в том, что все

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru "трое, одетые в старинные мундиры, прошествовали мимо машины, почти вплотную к ней, не посмотрев на нее, так что С.~И.~Ильин вынужден был резко затормозить". Этого Ильин не помнил. "Возможно, они были в нетрезвом состоянии, - писал Усанков, - потому что держались подчеркнуто прямо". Перед глазами Ильина вновь возникло это шествие, чистое, прозрачно-бледное отрешенное лицо младшего и то, как они коснулись машины, действительно не обратив на нее никакого внимания. Никто из них не обернулся, не покосился, будто ее и не было. А ведь, наверное, тормоза-то взвизгнули, хоть и тихий ход, но должны были скрипнуть. Нельзя было не испугаться. Любой пешеход вздрогнет, дернется.

Письмо было вроде официальное - "Уважаемый Сергей Игнатьевич..." - и в то же время частное, написано от руки, почерком, однако, четким, прямым, без обычной усанковской размашистости, подпись почти печатными буквами выведена, однако с припиской "ныне вполне трезвый", что как бы чуть снимало серьезность.

Ильин позвал секретаршу.

- Если меня будет спрашивать Альберт Анисимович, старенький голос такой, немедленно соедините, не будет меня, разыщите.

Секретарша чуть подняла брови.

- Я помню, вы уже предупреждали.

- Да!.. Не могу дождаться, - признался Ильин.

- А к нему позвонить нельзя?

Он посмотрел на ее голубые веки и вздохнул.

- То-то и оно... - Ему хотелось поделиться с ней наблюдением Усанкова.

Она прибирала бумаги на столе.

- Ладно, идите, - сказал он.

Мешала привычка не откровенничать с подчиненными. Слушать других пожалуйста, сам же он никогда не позволял себе.

Альберт Анисимович позвонил поздно вечером домой. Звонок в пустой квартире прозвучал пугающе громко. Ильин так и подумал, что это Альберт Анисимович, сразу узнал дребезжащий голосок:

- Я еще кое-что уточняю... поэтому не докучал вам. Общая картина, конечно, ясна.

- Что именно ясно? - поинтересовался Ильин. По телефону разговор звучал обыденней, и он спросил это строго, требовательно.

- Моя давняя идея. Весь заговор, убийство царя и тогда выглядели непристойно. Порядочные люди не могли принять, их возмущало... Да будет вам известно, порядочные люди имелись в самые безумные времена, - с вызовом сказал Альберт Анисимович. - В данном случае они искали доказательств, они хотели опровергнуть казенную версию.

- Кто такие, удалось узнать?

- Примерно. Остается еще ряд моментов сомнительных.

- Кто эти трое?

- Они вызвались, но были и другие.

- Я письмо получил от товарища, - сказал Ильин. - Помните, я обещал. Он подтверждает.

- Да дело не в нем, я и без него...

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
– Нет, нет, там есть важная деталь. Вам срочно надо ознакомиться.

– Право, мне сейчас нет нужды.

– Нет уж, я все равно должен вас увидеть. Мне узнать надо про этих офицеров, пусть примерно.

Альберт Анисимович откашлялся и заговорил с неожиданным волнением:

– Сергей Игнатьевич, вы мне сильно подмогли. Я вам обязан. Поэтому осмелюсь просить вас – оставьте сию встречу без внимания. Не вникайте. Забудьте, если можете.

– Это почему? Вы точно как Усанков. Тот самый, с кем мы видели.

– Не знаю ваших обстоятельств, но полагаю, что у вас налаженная жизнь, стоит ли вам... Это крайне опасно, уверяю вас.

По-видимому, он говорил из автомата, потому что пискнул сигнал конца разговора.

– Я вас прошу, – заторопился Ильин. – Завтра я буду ровно в пять в Публичке. Там же, в курилке, – он закричал, начальственно перекрывая новый писк. – Никаких отговорок. Договорились?

Голосок Альберта Анисимовича екнул протестующе и оборвался частыми гудками. Ильин ходил из комнаты в комнату, ждал. Молчащий телефон лежал на столе, свернувшись серым комком.

Ильин надел кепку, вышел. У голубого фанерного ларька толпились мужики, те, вечерние последки, что спешат хватануть пивка перед закрытием. Кто добавит, кто запить. После первой кружки Ильина включили в "треугольник", разлили "малыша", добавляя в тепловатое "жигулевское", чокнулись и поехали. Говорили про своих жен, про баб, Ильин захмелел быстрее обычного, потому что хотел захмелеть.

Посреди ночи он проснулся. Кто-то явственно позвал его: "Сергей Игнатьевич!" и еще раз. Он открыл глаза, сел на кровати, свесив ноги. Изредка внизу проезжала машина. Слабые отсветы обегали комнату. В жидкой мгле взблескивали стекла шкафа. То там, то тут поскрипывал паркет, словно кто-то ходил по квартире. От легких занавесей на окнах колыхался неверный сетчатый свет.

"Не вникайте", – звучал в памяти голос Альберта Анисимовича. Почему не стоит? Это как понимать – угроза? Совет? "...стоит ли вам..." Стало заметно подчеркнутое "вам". Значит, именно ему, Ильину. А то он может знать про Ильина? Кто что знает про Сергея Ильина?

Словно бы со стороны он увидел себя голым, в трусиках. Ильин удивился тому, какой он обрюзгий, совсем не тот, подтянутый, еще молодцеватый, что изнутри. Печалась, он рассматривал свое тело, давно утерявшее спортивную форму, отвисший животик, лысеющую голову. Жалость охватила его – впервые перед ним предстал этот человек, который носил его имя, отдельно от него самого, это существо, которое не было уже он сам, потому что он удалился из него и теперь парил, обозревая как бы сверху свое состояние. Видно было, в какую дурацкую историю влезал этот субъект. Он почувствовал, как надвигается нечто темное, опасное, от чего может сломаться весь его с трудом налаженный, обустроенный ритм службы, с поездками в Москву и на Урал, отпусков, вечерних часов у телевизора, за книгой...

Тот, на кровати, потер голову, встал, зашлепал на кухню к крану. Голова болела, во рту было гадко. Ильин все это чувствовал, но издали, как бы сверху смотрел на этого бедолагу и видел разом робкую его жизнь, где всегда было стремление к порядочности, прямоте, на самом же деле приходилось юлить, помалкивать, много врать, постоянно обманывать и своих инженеров, и начальников, таких, как Клячко, чтобы и они могли обманывать; как он соглашался поддерживать и выдвигать наглецов, подлипал в обмен на более или менее способных, которых хотелось сохранить. Давно уже ум его заполнился многоходовыми комбинациями, причем ничего не делалось просто так, потому что все должно было приносить личную пользу. Так поступали все люди кругом, многие поступали куда хуже.

Когда-то он разработал серию моторов, экономичных, надежных, маленькие сильные

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru моторчики, красивые и легкие, как игрушки. Выяснилось, что никому это не нужно. Он получил большую премию, но главный энергетик сказал ему: "А что я буду иметь, если поставлю твои моторчики? Ни-че-го! Чем больше я потребляю энергии, тем легче мне экономить. Смекаешь?" Надежность была не нужна. Меньше металла – никому не нужно. Дешевизна не нужна. История с моторами была частью абсурда. Огромный Абсурд возвышался над работающими людьми словно языческое божество, которое они никак не могли убогатить, ненасытное бесплодное божество.

Цель жизни, которая когда-то в молодости была, куда-то подевалась, казалась теперь глупой, он старался о ней не вспоминать. Но Ильин отсюда, с высоты видел и ее, и она вовсе не была глупой, скорее, глупой оказалась та жизнь, которой он занимался, и та система, которой он служил.

Альберт Анисимович появился откуда-то из густого сизого дыма курилки. Он оглядел Ильина, покачал головой.

– Все же пришли... Мое дело было предупредить.

– Чем таким нынче пугают? – спросил Ильин весело.

Альберт Анисимович смотрел с жалостью. Молчал.

Письмо Усанкова поднес к очкам так близко, что водил носом по бумаге.

Ильин ждал, позабыв на лице свою улыбку. Спал он плохо, что с ним происходило ночью, не помнил, но какое-то мучительное состояние, как после страшного сна, не отпустило его. Он ничем не мог заняться, подписывал бумаги, говорил по телефону, но все это механически, не участвуя, а то, что было им, не могло найти себе место.

Ильин принадлежал к тем многочисленным у нас людям, которые не думают о своей душе, потому что никогда не сталкиваются с ее проявлением. Будучи материалистом, Ильин не признавал, что у него может существовать что-то помимо мозга с двумя полушариями и что это что-то способно предчувствовать, прозревать, отделяться и где-то витать независимо от организма. Как здоровый человек, не умеющий болеть, тяжело переносит всякое недомогание, так и он, Ильин, маялся от какого-то мучительного разлада, а чего с чем, не понимал. Вот и сейчас, глядя на высохшие до прозрачности руки Альберта Анисимовича, на его хрупкую, ломкую фигурку, Ильин не видел, чего тут опасаться, еле, как говорится, душа в теле, дунешь, и рассыплется.

– Что ж, естественно, – сказал Альберт Анисимович, он поднял голову, устремил на Ильина мерцающий взгляд преувеличенных глаз. – Им не до вас было, – он обошел Ильина кругом, сунул ему в карман письмо. – Берите, берите, мне ни к чему. Не будем клясться словом учителя!

И, уже не обращая внимания на Ильина, продолжал, как бы заканчивая с кем-то спор, что после убийства императора Павла дворец-замок был закрыт. Несколько недель спустя караулы перестали выставлять, этим и воспользовались офицеры. Преображенцы. Отправились в замок искать улики цареубийства.

Прокуренные, желтые зубы Альберта Анисимовича то открывались, то закрывались, жестяной голос шел откуда-то сверху.

– А улики можно было найти! Они имелись! – торжествовал он.

– Вы мне фамилии их обещали, – сказал Ильин.

Альберт Анисимович досадливо скривился. Есть, конечно, примерный круг лиц, возмущенных столь незаконным дворцовым переворотом. Будучи отнюдь не высокого мнения о Павле, они осуждали действия заговорщиков. Убийство бесчестило русский трон.

– Кто же входит в этот круг?

– В данном случае я ограничил себя преображенцами.

– И что?

Ильин ждал, хмуро смотря на него в упор.

- В моих списках никаких Ильиных не значится, - произнес Альберт Анисимович как бы официально.

- Чем же объяснить такое сходство?

- А может, вам показалось?

- Я же видел его, - сказал Ильин измученно.

- Не могу знать.

- Да знаете вы прекрасно, - сказал Ильин. - Вы меня о чем предупреждали, а?

Альберт Анисимович окутался сизым папиросным дымом.

- Молчите? Чуть что: нельзя, запрещено, предупреждаем. И вы тоже? Нет уж, будьте любезны, сообщите мне, что вообще значит это явление. Если б мое расстроенное, допустим, воображение. Но у меня свидетельство имеется. Ильин хлопнул себя по карману. - Что же получается? Невозможное, да? А было? Но ведь это же абсурдно, согласитесь.

Альберт Анисимович хмыкнул.

- И небываемое бывает, как возвестил Петр Великий, разгромив шведский флот.

- Мы с вами не о том, - сказал Ильин, еле сдерживаясь.

- Сергей Игнатьевич, не хочу брать грех на душу, - Альберт Анисимович приложил руку к груди. - У вас щита нет, дружочек. Погибнете.

- Это мой вопрос, - сказал Ильин.

Альберт Анисимович снял очки, долго протирал стекла, глазки его стали крохотными.

- Вам этого знать не положено.

Ильин подождал, когда он нацепил очки, крепко взял его за отворот пиджака.

- Нет уж, извините... Выкладывайте! Все как есть!

Сухонькое тело тряпочно замоталось в его руках.

- Как вам будет угодно, - согласился Альберт Анисимович и стал рассказывать про свойство Времени сворачиваться рулоном. События могут накладываться, соединяясь через века, недаром существует прапамять, когда кажется, что все это с нами уже происходило. Настоящее - это мостик между прошлым и будущим, огонек, на котором сгорают наши усилия. Его светом пользуются астрологи, пророки. Прошлое может повторяться, его изображение приходит как свет погасшей звезды, и привидения появляются среди нас...

Слова его убаюкивали Ильина, он понимал, что это не то, совсем не то, чего он ждал, и не о том. Пласты дыма плыли сквозь оболочку Альберта Анисимовича, черты его плавилась. Ильин боялся, что старик растает и исчезнет. Он встряхнулся.

- Погодите, а кто там, в ваших списках, самый молодой из офицеров?

Альберт Анисимович на минуту задумался.

- Пожалуй, поручик Немировский-младший, Тимофей.

- Немировский... - повторил Ильин, вслушиваясь.

- После той истории их всех разослали по захолустным гарнизонам. Его, кажись, в Демянск. Или в Опочку?

- И дальше что с ним?

- Не знаю.

- А потомство у него было?

Альберт Анисимович пожевал губами.

- Вам лучше обратиться к Витяеву. Он у нас специалист, кто, откуда, куда, древознатец.

После долгих уговоров Альберт Анисимович, вздыхая и ворча, повел его в маленькую комнатку где-то на верхотуре. Среди стопок каталожных карточек, наваленных книг, рукописей на высоком табурете работал скрюченный бородатый мужичок. Из маленькой лохматой головки топырились большие уши, делая его похожим на летучую мышь.

Выслушав Альберта Анисимовича, он закашлялся, затрясся весь, пока наконец из него не посыпался хриплый смешок.

- И этот тоже ищет себе предков дворянских, - он говорил брезгливо, не глядя на Ильина. - Модно стало. Недавно отрещивались, отрекались от них... Немировский? Род вполне достоин. Служили в гвардии, на флоте, были дипломаты... Они достойны, а мы не достойны. Никого из них не достойны. Над ними шпаги ломали, их званий лишали. За что? Да у нас за это и выговора не схлопочешь!

Альберт Анисимович попробовал было урезонить его:

- Ты же не знаешь человека, - но только хуже сделал.

Витяев воспламенился, закричал:

- Мне и знать не надо. Никто честным остаться не мог. Честные все сгнили в лагерях. Остался мусор... Трусы и соглашатели. Машина по отбору работала семь десятилетий. Кого отобрали? Кого?

Все это время он листал книги, перебирал карточки, хмыкал, сморкался, внутри него клокотало, хрипело.

- Тимофей... Немировский... В седьмом году попал в опалу, перевели в Новгородскую губернию, в артиллерийский полк, в десятом году услали в Нарву, в двенадцатом году участвовал в кампании, отличился, убит под Шевардиным в чине ротмистра. Сын Иван, сын Яков, дочь Анфиса, впоследствии Карташова.

- Карташов служил тоже в Преображенском и был по тому же случаю уволен в отставку, - сказал Альберт Анисимович. - Он из той же группы - Воронцов, Карташов...

Витяев открыл алого бархата переплет рукописной книги, пропустил листы между пальцами с ловкостью кассира, открыл в нужном месте.

- Карташова... Неплохо... Герб с тремя птицами... Они люди были, а мы щепки. Лес вырубил. Осталась щепка. Вместо леса бараки да общественные нужники. Ни дворян, ни разночинцев, ни кулаков, ни купцов, никого не осталось. Голь озверевшая. Все, что накопили стоящего, все изничтожили. Теперь хотят за счет предков облагородиться, - он с ненавистью воззрился на Ильина. - Оставьте их в покое!

Ильин водил рукой по корешкам книг, говорил, удивляясь своей твердости:

- Не могу. Оставил бы, так они меня не оставляют. Да и потом что тут плохого, люди, может, хотят опереться.

- Как же, опереться! Прилепиться вам всем надо! Прикрыть срам свой! закричал Витяев. - Не позорьте родов российских!

Ильин лишь улыбался, ему хотелось подойти, погладить эту ушастую лохматую голову.

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
"Все правильно, все верно!" – чуть было не сказал этого, но почему-то удержался. Словно тяжкий груз свалился с него, теперь только он почувствовал, как ему было тяжело, он даже расправил плечи, поднял голову.

Спускаясь по витой железной лестнице, Альберт Анисимович говорил:

- Гневный человек наш Витяев, от него всем достается.
- Из пострадавших?
- Наоборот. Отец его в трибунале заседал, мясорубку вертел. Сын вот таким образом страдает.
- Но злоба какая. Страдаешь, так добрым будь.

Альберт Анисимович остановился, не оборачиваясь, сказал:

- Вот оно, действует... Вы не цыкнули на него. Раньше бы цыкнули.

В вестибюле, прощаясь, он смотрел на Ильина издали, откуда-то из своей астрономической дали.

- Правильно. Люди мучаются, когда у них есть выбор. А у нас выбора нет. Чем сильнее вера, тем меньше выбор... – Это было непонятно и не очень беспокоило Ильина. – Радует ли? – угадал Альберт Анисимович. Затем вздохнул. – Может, и обойдется, дай-то бог, чтобы миновало.

Нет уж, хватит с нас намеков и предсказаний. Ильин не стал расспрашивать. Для него все прояснилось, все вновь стало просто Немировский, Карташов и никаких Ильиных. Он шел по Невскому летящей молодой походкой, разглядывал встречаемых женщин – верный признак свободы и довольства...

На заседании техсовета посреди доклада руководителя проекта Ильин поднялся и вышел из зала. На лице его оставалось участливое внимание, он прошел к себе в кабинет, набрал номер телефона в Боровичах. Мачеха была дома. Ильин спросил ее, как девичья фамилия его матери. Мать умерла, когда ему было пять лет. Мачеха усыновила его, и он привык считать ее матерью.

- Зачем тебе? – обеспокоенно спросила мачеха, и этот пересохший от волнения голос вызвал из небытия старые-престарые страхи.

Мачеха появилась в их доме спустя полтора года после смерти матери. Она мало что знала о прошлых их горестях, не хотела знать, она была из-под Пскова, натерпелась в оккупации, да и после, так что у нее хватало своих бед. В детской памяти Ильина смутно хранилось, что мать высылали из Ленинграда, сделали лишенкой, что как-то потом она вернулась через Боровичи, где у отца жили родители. Подробности той истории он никогда не знал, о матери вспоминать избегали, это была запретная тема. Не осталось ее фотографий, лица ее Ильин не помнил. Мачеху он всегда называл мамой, про мать же думать забыл.

Мачеха фамилии матери не знала, не то чтоб забыла, никогда не знала и не ведала, попробует написать шурину, может, он помнит.

- А что, у тебя неприятности? Да когда ж это кончится... – и она заплакала. Он еле успокоил ее. Прежние страхи накинудись на нее, собственные и отцовские страхи, которыми он заражал всех. Он боялся говорить о политике, но оказалось, что и все другое могло быть использовано как политика, его тревожили то хмурый взгляд парторга, то какой-то посторонний вопрос начальника смены. Как будто ему вспрыгнули, привили страх. Высокий, большеукий, он сутулился, стараясь не выделяться, стать незаметнее. Стыдно сказать, он просматривал газеты, которые нарезал для уборной, чтобы там чего не попало... Среди больших и малых страхов, что поднимались у Ильина словно пузыри со дна памяти, появился один рисунок красно-синим карандашом, что-то из дальней дали. Ложка серебряная с монограммой, которую он старательно срисовывал. Отец увидел, перепугался, разорвал рисунок, ложку куда-то убрал. То, что это была монограмма, Ильин сообразил только сейчас. Среди алюминиевых перекрученных ложек, почернелых облупленных железных вилок ложка эта выделялась приятной тяжестью, блеском; ему казалось, что он до сих пор помнит ее телесную прохладную гладкость. В ней было

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru ощущение другой жизни, не похожей на их прокуренное скандальное общежитие и ту комнату с раскладушками, где они жили впятером. Ложка лежала в фанерном ящике стола вместе с точильным бруском, пробками, кухонным ножом, продуктовыми карточками, струнами гитары... Стол был накрыт зеленой клеенкой... Он попробовал расширить пространство, круг, высвеченный памятью, – не удавалось. Какие там на черенке буквы сплелись, не вспомнить. Может, ему когда-нибудь приснится эта вязь, сцепление инициалов...

Где эта ложка?.. У него даже мысли не было послушаться отца, спросить, потребовать объяснений. Он не отца боялся, он боялся отцовских страхов. Нельзя и нельзя. Вполне вероятно, что подсознательно он был доволен стараниями отца создать чистую анкету. Это было выражением отца – обеспечить "чистую анкету". Выпивши, отец однажды разнежился, заерошил ему волосы и вдруг сказал: "У тебя они, как у матери". Больше ничего, Сергей сразу понял, что это о той, первой, родной матери. Это были необычные для отца и тон, и голос, вырвавшиеся откуда-то из сердца. Страх начисто сожрал любовь, все сожрал в отце. Впервые он подумал об отце как о несчастном человеке. Разве что челочка да еще берет – вот и все, что отец позволял себе, все отличие, что осталось от его молодости. Ильин вспомнил, что к бабке и деду на кладбище ездили в родительскую субботу, а к матери – никогда, где ее могила, он не знал. И спросить уже некого. Где они, люди его детства, отцовские корешки, тетки, свояки? Моряк с аккордеоном, дядя Коля, его жена Нюся, певунья. Где те волосы Сережкины? Он усмехнулся, погладил свою зальсину. Зато анкета чистая, образцовая анкета передового гражданина, надежного, примерного, достойного доверия, ибо не привлекался, не участвовал, плохих родственников не имел, ни в чем не замешан. Весь как на ладони, никаких заусениц, чист как стеклышко, прозрачен, так прозрачен, что его самого и не видно. Может, его и не было. Не был, не состоял, не существовал. Челочка осталась в памяти от отца. И берет остался. Большой серый берет, набор сдвинутый. Тогда редко кто носил береты. А отец носил. Выглядело смешно, особенно под конец жизни. Седеющая челочка над красным носом и этот старомодный берет с претензией. Возможно, что был способ отстоять себя хотя бы так. На подоконнике лежала красная книга "Вопросы ленинизма" и висела вырезанная откуда-то картина "Сталин и Ворошилов в Кремле". И все же лихо сдвинутый берет. Получается, что отец имел некоторое преимущество. Живи, как все, делай, как все, Сергей Игнатьевич Ильин, у тебя ни берета, ни челочки. Вместо челочки пролысина, учрежденческая лысина. Широкая блестящая поверхность между двумя пышными пучками волос на висках. Никого не задев, не зацепив, доехал он до этого кабинета. Его уверяли, что это результат его способностей, какие ни есть, но способности, но он-то знал, что это результат не проявления способностей, чем выше он поднимался, тем меньше требовалось, тем больше следовало помалкивать, повторять и развивать чужие мысли. У него не было отцовских страхов, кошмаров, все они вошли в плоть и кровь, стали чувством на уровне инстинкта – было естественным опасаться того-то, избегать таких-то вещей, не обострять, помалкивать. Почему он не запомнил монограммы? Не было уверенности, что это мать? Или забыл, потому что не следовало помнить? Скорее всего, что так. Он предпочитал не знать. Подростком не допытывался, никогда не спрашивал, где находилась мать, как она умерла, отчего умерла. Может, что-то и говорили, но он не запоминал. Чувствовал, что это ни к чему. Потому и забыл. Наверное, если бы он раньше спохватился, можно было еще что-то подобрать в развалинах памяти. Теперь все там выветрилось, осыпалось. Не докопаешься.

И не стоит... Вот тут его настигло презрение, которое было в словах Витяева. Запоздалый стыд, который обдал его жаром, так что Ильин вспотел, сидел потный, красный, закрыл глаза.

Комиссия нагрянула как бы внезапно. На самом же деле Ильина предупредили о ее приезде, о составе, для того и существуют свои люди в министерстве. В последний день, однако, вместо Усанкова возглавил комиссию сам Клячко~ф.~ф. – замминистра. Усанков, который приехал вместе с ним, успел предупредить Ильина на всякий случай, чтобы не поддавался, если этот тип "на фуфло будет дергать".

С утра комиссия направилась на комбинат смотреть новую машину в работе. Клячко, как всегда, разносил, придирался к окраске, к дизайну, к рукояткам, тут он был на коне. Все понимали, что в машине он не разбирается, и соглашались с ним, обещали исправить, учесть, обещали горячо, как полагается в таких случаях обещать, чтобы начальству было приятно, что оно приехало не впустую и навело порядок. Ильин шествовал в свите поодаль. Усанков уже обратил внимание, что держится он, словно посторонний. Не хватало располагающей ильинской

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru готовности к улыбке, всегдашней внимательности. На некоторые рассуждения Клячко он позволял себе отмалчиваться. Усанков ткнул его в бок, чтобы привести в чувство. Ильин посмотрел на него долгим задумчивым взглядом, значения которого Усанков не понял. И одет был Ильин слишком вольно – какая-то курточка с молниями, под ней трикотажка без галстука.

Клячко, маленький, толстый, ходил, переваливаясь, вокруг машины, собачил инженеров, матерился, поносил начальство, в смысле дирекции, главка, подмигивал рабочим – показывал, что заодно с ними против всяких начальников. Прием был груб, мало на кого действовал, но Клячко было наплевать. Когда на стенде испытатели прижали его насчет реконструкции, он заявил, что уже выделил нужные средства, показал на директора – с него требуйте! – все это, глазом не моргнув, с полным бесстыдством. И Усанков понимал, что директор не станет отказываться, уличать, слишком дорого ему обойдется. Это был обычный прием Клячко. Преспокойно называть несуществующие цифры, приказы, докладывать о выпуске машин, еще проектируемых, лишь бы выкрутиться. Не терялся, громовым голосом, да еще с укором давая отпор всяким критиканам.

По дороге в Ленинград с Усанковым произошла неприятность. Ехал в "Красной стреле" в одном купе с Клячко. Это уже потом, обдумывая случившееся, Усанков понял, что билет ему в одном купе с Клячко взяли не случайно. Мирно попили коньячку, и уже перед сном, укладываясь, Клячко, протяжно зевая, вдруг сказал расслабленным голосом: "Значит, копаешь под меня?"

Он сидел напротив Усанкова, коротенькие ножки, сатиновые черные трусы, маечка, белый животик вывалился, физиономия, красная от выпитого коньяка, брылья висят, глазки – мышки, улыбочивые, сонные. Еще раз зевнул. "Напрасно ты, Усанков, надеешься, свалить меня трудно. Я видишь, какой кругленький".

Была пауза, затем Усанков протянул вроде шутливо, вроде скрывая огорчение: "Эх, Федор Федорович, легковерный вы человек, это нас сравить хотят".

Погасили свет. Клячко улегся, хихикнул в темноте: "Напугался? Признавайся, ты на кого надеешься?" – и, не дождавшись ответа, захрапел с нежным присвистом. Позвякивали ложки в стаканах. Иногда занавески пробивало мелькающим светом. Усанков лежал с открытыми глазами. Ему было стыдно оттого, что Клячко угадал его испуг. Ничем вроде не выдал себя, и все же Клячко почувствовал. Усанков с ненавистью слушал его безмятежный храп. Новые идеи, разработки – все, что Усанков выдвигал, – ф.~ф.~Клячко отбирал из них наиболее простые, шумные и преподносил от своего имени. За эти годы и Усанков и другие наработали ему славу специалиста, инициативного руководителя. Никто наверху не знал, что доклады ему сочиняли, правили его безграмотные обороты, его \emph{диформацию, инфармацию}... что на самом деле он никудышный инженер, откровенный жлоб, невежда, лгун... Почему они все, куда более знающие, толковые, должны работать на этого жлоба? За что это, за какие такие заслуги Клячко командует ими? Именно такие жлобы и вылезают наверх. Ему давно уже пора на пенсию, но он и не собирался уходить. В войну он каким-то образом увернулся от армии, пристроился в партийной школе. Заочно кончил пищевой институт и стал карабкаться. Сам Клячко в минуты откровенности признавался приближенным: "Я лично никого не спихивал, я этого не разделяю, при той качке, что была, хватайся, когда подкинет, за то, что рядышком, не упускай, и вся хитрость", – и он вытягивал руки, разводил толстые пальцы. Кроме наглости была в нем и другая сила, темная, злая, которую Усанков определить как следует не умел. Исходила эта сила не от Клячко, а от таких же, как он, только еще выше стоящих начальников, дуболомистых, таких же дремучих и цепких мужиков. Они составили как бы незримое сообщество. Соединила их скорее ненависть к "интеллихенции". Себя они считали народом. Сообщество это придавало Клячко уверенность, министр и тот избегал связываться с ним, про него Клячко открыто говорил "не наш человек, не коренной".

Спал Усанков плохо, встал рано, оделся, раздвинул занавески. За окном мчалась солнечная, вся в бегучем росяном блеске зелень. Проплывали деревни, окутанные низким туманом. Клячко храпел, жидкие седые волосы его сбились, бабье лицо распустилось, потеряло значительность. Открылось такое пустое, мелкое, что Усанков успокоился. Стало обидно, сколько сил и внимания взял из его жизни этот ничтожный человек. Так или иначе уход Клячко из министерства был предрешен, но именно в эти последние месяцы он мог наделать немало бед, Усанкову в особенности, такую подножку поставить, спутать все расчеты... Он смотрел на него и представлял, как можно сейчас придушить Клячко подушкой. Оказывается, он,

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
Усанков, мог бы это сделать с удовольствием и нисколько не мучиться. Вот до чего дошло, думал он о себе не то с удивлением, не то с опаской. Тут какая-то другая, посторонняя мысль, связанная с Ильиным, промелькнула, но так быстро, что Усанков не мог разобрать, что это было; промелькнула и исчезла, оставив беспокойство. Ныне при взгляде на Ильина, на его отсутствующую физиономию его снова толкнуло беспокойство, связанное с той ускользнувшей мыслью.

После обеда поехали в КБ. В машине Клячко осоловел, был благодушен, пообещал Ильину увеличить штаты, рассказывал анекдоты про чукчей. Рассказывал он хорошо, все смеялись, даже водитель, даже Ильин, необычно хмурый, улыбался, как бы досадуя, что его смешат. Усанков давно знал весь репертуар Клячко, но смеялся, ему казалось, что все так же, как он, притворяются.

В вестибюле их встречали главный инженер, начальники отделов. Ильин представил каждого. Церемония соответствовала правительственному визиту. Клячко следил, чтобы все было, как у больших. "Гимна не хватает", – тихо сказал Усанков Ильину, но тот и глазом не повел. Держался почти безразлично, никак не стараясь "подать" свое хозяйство. И внешне Ильин изменился. Пухлые щеки его втянулись, обычно уютно-мягенький, сутулый, он словно бы распрямился, а вернее сказать, натянулся, похудел, все в нем подобралось, исчезла его приветливая улыбка, приятная застенчивость. Пояснения давал главный инженер, сам же Ильин был молчалив, держался отрешенно, холодно, так что Клячко к нему и не обращался.

Шествовали вдоль кульманов, мимо развешенных проектов. Время от времени Клячко тыкал пальцем в чертеж: "И сколько еще будете возиться? Разве это темпы. Не вижу сдвигов, отстае. Мм-да, работнички..." Люди краснели, терялись, тогда он хмыкал удручающе: "То-то, голубчики, думали мне слепить горбатого? Не пройдет! Вам, сукиным детям, лишь бы начальство облапошить, лишь бы показуху всучить..." Всерьез разбираться он не собирался, его дело было припугнуть, чтобы виноватыми себя почувствовали, они тут все виноватые, все ловчат, нарушают, приписывают, бей, не ошибешься, все они рвачи и бездельники...

Усанков двигался в свите, чувствуя, как позади остаются недоумения, обиды.

Самого Ильина Клячко не задевал, порой подчеркивал: "Плохо вы исполняете указания Сергея Игнатьевича, вы что же, подвести хотите вашего начальника?" Главный инженер пробовал перечить, не то чтобы спорить, а просил доказательств. Это был крепкий высоченный парень с черной курчавой бородой, похожий на библейского пророка. Чуть наклонясь над Клячко, он попросил разъяснить, что именно не устраивает замминистра в техническом проекте. Вопрос звучал невинно, но с этой минуты сонливость Клячко пропала, голос металлически зазвенел, серенькие глазки обрели опасный блеск, теперь он двигался и говорил нацеленно на этого молодчика, который к тому же был не в пиджаке, а в клетчатой рубашке и джинсах.

– НИИ виновато, да? Министерство виновато? А вы тут для чего торчите? гремел Клячко.

Главному бы промолчать, Усанков делал ему знаки, но тот не унимался, стал цитировать приказы министерские, обещания: в одном одно, в другом наоборот, в одном – как здоровому лечиться, в другом – как хрому бегать; не давая себя перебить, приводил фразы, где была полная несусветица, абракадабра.

Клячко по-кошачьи зажмурился, руками развел: ну, какой умник, ну и память... На министерство хочет свалить. Удобно? Ты запомни, раздолбай, обещать – дело министра, а выполнять – дело инженера, и не лезь со своим длинным носом... Наставил палец, стал выдавать этому парню. Лично ему, грамотею, незаметно отделяя его от КБ, припомнив командировку в Англию, у Клячко всегда имелось что-то про запас. Ездили, чтобы увидеть, как у нас все плохо? Вот на что валюту тратим. Любо по заграницам шастать.

– А может, лучше вам вообще уехать? А? Так сказать, на землю ваших предков? Теперь можно, вы не стесняйтесь.

Наступила тишина. Усанков увидел, как главный, этот могучий парень, растерялся, сочные красные губы его в бороде побледнели, Усанков отступил в толпу. Было стыдно и гадко.

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
А Клячко как ни в чем не бывало шествовал дальше, осматривал новенький заграничный ксерокс, потом отправились в мастерские. Идти надо было через двор. Лил дождь, первый летний дождь, с солнечными просветами, шумный, быстрый. Усанкову дали зонтик на двоих. Цветастый дамский зонтик был маловат, и Усанков держал его больше над Клячко. Ильин, который шел впереди, вдруг обернулся, окинул их взглядом, как бы соединив, выразительно усмехнулся. Усанкову это не понравилось. В мастерской он, не стряхивая намокший пиджак, взял Ильина под руку, сказал на ухо:

- Ты чего из себя целку строишь? Не понимаешь?

Ильин ничего не ответил.

- Разбердй ты, - Усанков выругался ожесточенно, длинно, но легче не стало.

Членов комиссии Клячко разослал по отделам, сам остался в кабинете Ильина с хозяином, задержал и Усанкова, ничего не объясняя. Развалился в кресле, ослабил галстук, вытер платком шею.

- Жарко, хомут... Да, хомут у меня тяжелый. А если из хомута, да в ярмо, а? - он подмигнул им. - Дела да случаи, слышали небось? - он подождал, осмотрел каждого. - Вы же дружки-приятели? Так вот, анонимочку на меня состряпали. Серьезную. Из Ленинграда прислали. Судя по фактам, предполагаю, что из твоего бюро, Сергей Игнатьевич. Погоди, знаю, что не ты, ты от меня ничего, кроме хорошего, не видал. Вот твой еврей этот, прорезался он сегодня. Похоже?

- Не думаю, - сказал Ильин.

- Он, он, я чую. Матерьяльчик собирал. Цитатки. Что им неймется? Доверили - твори, старайся. А они? К жене моей бывшей подобрались, ну, что за люди пошли, ни совести, ни чести. Схватился со мной. Совсем обнаглел, ну ничего, горшку с котлом не биться...

Он разошелся, слюна летела изо рта, он ораторствовал, набирая скорость, разбегаясь, как для прыжка. Усанков искоса следил за Ильиным, чтобы тот чем-то не выдал себя, в таких делах Ильин опыта не имел, не искушен, стоит чуть дрогнуть, Клячко учует, нюх у него звериный, с него всякое станет, может, про главного нарочно блесну закинул.

Пока что Ильин держался невозмутимо, стоял посреди кабинета, руки в карманах, лицо гладкое, чужое, неприятно чужое, выдержке его можно позавидовать, но что-то тревожило Усанкова, было в спокойствии Ильина что-то лишнее.

- ...мы этого анонимщика на место поставим, раз и навсегда отобьем охоту! Надо тебе, Сергей Игнатьевич, со всей решительностью ответить на его письмо. Опровергнуть! И так вдарить, чтобы неповадно было, - без всякой подготовки, неожиданно выпалил Клячко.

- А если это не он? - произнес Ильин равнодушно.

- На него и не ссылайся. Ты по фактам бей. На каждый факт есть другой факт... Стесняться нечего с такими подонками. Усанков тебе поможет. Поможешь, Усанков? - и крепко ухватил Усанкова взглядом с прищуром, еле заметным, предупреждающим.

Усанков зашагал по кабинету, стал к окну, не оборачиваясь, сказал:

- Надо бы ознакомиться сначала.

- С кем? Со мной? Значит, ты мне незнакомец? - задробил по спине короткий, с угрозой хохоток.

Внутри Усанкова жарко рванулась злость. Но тут же осадило, притормаживая, устройство, которое умело подавлять любые эмоции. Оно срабатывало автоматически. Прекрасное предохранительное устройство, мгновенно просчитывающее все "за" и "против", устройство, отлаженное годами службы. Благодаря ему он продвигался, восходил. Но он и не представлял, какую оно набрало силу.

- Не крутись, Усанков. Эх ты, бедолага... Я вам проектик ответа заготовил. Саму

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru анонимочку мне позже раздобудут, – поясняя, он отщелкнул клапан своей кожаной папки, достал бумагу.

Усанков взял, стал читать. Текст ответа был наглый, грубый.

И хорошо, соображал Усанков, чем хуже, тем лучше, такое только поддержит анонимку. Если бы Ильин согласился подписать...

– Берите за основу. Можете не стесняться, меняйте, добавляйте, пояснял Клячко.

Ильин бесшумно ходил по ковровой дорожке, круто, по-военному поворачиваясь в конце, не обращал ни на кого внимания.

– Ведь проверять будут, – предупредил Усанков.

– Не твоя забота, каждый проверщик кому-то подчиняется, верно? Вот комиссия наша приехала, можно туда ее повернуть, а можно сюда, – Клячко со значением подмигнул Ильину. – Вы учтите, други двуногие, моя рубаха не в этой стирке. Ясно? Эх, знали бы вы, что они там наворотили. Форменные гниды. Давить их. Бородач твой, это, определено, он!

Убеденность его успокоила Усанкова, пусть валит на главного. Усанков протянул бумагу Ильину. Это было совсем не обязательно. Позже, вспоминая случившееся, он всякий раз останавливался на этом своем дурацком жесте. Нечего было торопиться. Видать, слишком его раздражала отрешенность Ильина, полная его безучастность.

Бумагу Ильин взял двумя пальцами, держа на вытянутой руке, смотря на нее сбоку.

– Да ты читай, читай, – нетерпеливо потребовал Клячко.

– Зачем?

– А как же, подписывать придется, – ласково протянул, почти пропел Клячко. – Дорогой ты мой Сергей Игнатьевич, ты же умный мужик.

Ильин продолжал держать бумагу двумя пальцами, брезгливо, подальше от себя. Можно было подумать, что ему наплевать на Клячко. Но такого не могло быть. Он всегда боялся Клячко. Усанков это знал. Все боялись Клячко. Даже он, Усанков, и то боялся Клячко. Клячко был еще опасен, ранен, но опасен, тем более опасен; сейчас надо самим не подставиться, время, время надо выиграть, Ильин прекрасно это все понимает, учитывает, он всегда был осторожен. Непонятно, что с ним происходит, какую игру он ведет.

Следовало как-то встряхнуть Ильина, чтобы он очнулся, увидел настороженность Клячко. Ночной разговор в купе не давал покоя. Усанков, как говорится, был под колпаком, и действовать ему теперь надо весьма осмотрительно. Должен же Ильин понять, что придется пожертвовать главным инженером, подписать эту поганую бумагу, любые затраты оправдают себя. Лишь бы Клячко ничего не заподозрил раньше времени. Иначе начнет рыть и докопается, до всего докопается, он упорен, как кабан.

– Сделаем, Федор Федорович, выполним интернациональный долг, – как можно веселее сказал Усанков и прищелкнул пальцами, показывая, что есть подходящая идея.

Ильин никак не отозвался.

– Верно, Серега? – продолжил Усанков тем же тоном, подошел к Ильину, чтобы хлопнуть его по плечу, но не решился, что-то помешало. Наткнулся на невидимую стенку. Это было странно. Он привык командовать Ильиным, не задумываясь.

Маленькие выпученные глазки Клячко соединили их обоих оценивающе, кресло заскрипело под его тяжестью.

– А мне все равно, – вдруг пропел он. – А мне все равно, а мне все равно, – он поднял пухлую руку и серьезно, по-доброму сказал: – Это я вам шанс даю, земляки.

В кабинете стало душно. Неподвижный воздух сгустился. Усанков оперся о мраморный

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru подоконник, положил руки на прохладный камень. Солнце жарко блестело в тяжелой бронзовой люстре.

КБ помещалось в старинном особняке. Кабинет сохранял красного мрамора камин, на котором стояла китайская ваза. Дубовый потолок имел резные карнизы, наборный паркет повторял рисунок потолка. Новенькая мебель, желтенькая, фанерная, тонконогая, показалась Усанкову хилой. И Клячко и все они не соответствовали этому кабинету.

Ильин разнял пальцы, последил, как бумага, плавно кружась, опустилась на стекло.

- Акция была бесчестной, - произнес он, ни к кому не обращаясь. - Кем бы ни был царь...

- Чего? - не понял Клячко. - Ты про что?

Ильин дернул головой, осмотрелся.

- Позвольте заметить, там все соответствует.

Клячко рассердился.

- Где там?

- В анонимке.

- Тебе что, показывали?

Ощущение опасности подступило к Усанкову, сердце застучало, он оторвался от подоконника. В это время Ильин сказал мягче:

- Это я ее писал.

- Анонимку? Ты? Кончай трепаться, - Клячко с облегчением повалился обратно в кресло.

Усанков вышел вперед.

- Выручить он хочет своего главного, вы разве не видите, Федор Федорович. Посмотрите на его героическую физиономию. Пострадать от начальства, самое наилучшее, если от министерского...

- Не мельтеши, - Клячко махнул рукой, отстраняя Усанкова. - Так ты серьезно, Сергей Игнатьевич? И доказать можешь?

- А зачем мне доказывать? - удивился Ильин.

- Почему же анонимка?

- Побоялся подписать, - отчеканил Ильин бравым, совершенно неподходящим для этих слов голосом.

- Теперь что, не боишься?

- Теперь нет.

- Ишь ты, куда ж твоя боялка делась?

- Долго рассказывать, - Ильин махнул рукой, неподвижное лицо его вдруг растопила улыбка. - Не беспокойтесь, Федор Федорович, я то же самое напишу от себя.

Клячко встал, оперся обеими руками о стол, шея его багрово надулась.

- А почему признался?

Буквально на глазах внешность Ильина менялась неузнаваемо. Никогда Усанков не видал его таким стройным, рослым.

- Потому что хватит! - и голос был не Ильина, молодой, свежий. Лицо его разругалось, похудевшее, оно вытянулось, освободилось от дряблой мягкости, стало тугим и чистым.

- Почему написал, могу понять, - хрипло соображал Клячко. - Сейчас все пишут. Поднажали на тебя. Решил, что кончается Клячко. А вот признался почему? Уж до конца открывайся. Нет, не сходитесь, ты меня разыгрываешь.

- Зачем же, - весело сказал Ильин. - У меня второй экземпляр имеется, он показал на сейф. - Показать?

На лбу у Клячко выступили набухшие вены, глаза налились, все в нем раздулось, лилово потемнело.

- Верю. Я-то тебе верю, всегда верил, я к тебе всей душой был. Что тебе Клячко плохого сделал? За что ему плюнул в душу? Свои люди! Я тебя вытасил, поднял, орден дал, я тебя в коллегия назначил... - от обиды ему перехватило горло. - В открытую пошел на меня. Значит, я даже анонимки не достоин. Перчатку мне бросил. За что?

Он всхлипывал и стучал кулаком по столу не столько даже от поступка Ильина, сколько от непонятного его признания, от этой безбоязненной веселости. Должна же быть какая-то причина. Клячко твердо усвоил, что в действиях каждого человека за красивыми словами стоят самые простенькие причины - зависть, погоня за деньгой, должностью... Анонимка - это Клячко понимал, анонимку он и сам мог написать, но признаться? На то должна быть причина серьезнейшая, и причину эту разгадать было необходимо.

- Я же тебя на дерьмо сведу. Всю жизнь будешь ходить в клеветниках, не отмоешься. Ты, может, думал, что объявиться выгоднее, да кто тебя защитит, кто?

Оттого, что Ильин не пугался, стоял руки в карманы, смотрел благодушно, от этого Клячко кипел, задыхался, его вполне мог хватить удар. В другое время Усанков бы сжалился, поднес бы старику воды, но тут и не двинулся. Шевельнулась даже мыслишка: "И хорошо, чтобы удар". Но больше его занимало то превращение, что на глазах происходило с Ильиным, он все более кого-то напоминал, что-то раздражающе знакомое появилось в нем. Какая-то свобода и решительность, и счастье этой свободы, как будто он только что получил и все время опробовывал движениями - хочу, улыбаюсь, хочу, суплюсь, лицевые мышцы не напряжены, принимают то выражение, какое им нравится, не согласовывая с предохранительным устройством, нет противного ощущения застывшего жира на лице и этой постоянной готовности согласно кивнуть. А самое наибольшее счастье - посреди разговора повернуться и уйти, просто так, свободный человек, скучно стало слушать вашу ругань, Федор Федорович, ваши угрозы, скучно, и вся недолга. Повернулся и вышел, как сейчас Ильин, а ты, Усанков, стой и слушай, тебе деваться некуда, ты переминайся с ноги на ногу.

- Вернуть его! Ильин! - закричал Клячко, но вдруг опомнился, уставился на Усанкова. - Он что, блаженный! А может, у него лапа появилась? На что он надеется? Тебе небось известно. Взял и засветился, с чего это? Тут что-то не то, а?

Разговаривать Клячко не умел, так чтобы на равных, слушать, отвечать; он привык спрашивать и говорить. То есть сообщать и требовать. Он говорил его слушали, ему начальство говорило - он слушал. Так было на всех этажах и всегда. С ним не разговаривали, и он не разговаривал.

Никакого разумного объяснения случившемуся Клячко найти не мог. И, видно, Усанков, за которым он цепко следил, тоже подрастерялся. Ильин мужик осмотрительный, равнодушный, с чего он взвился? Ясно одно - за добро не жди добра, старая эта истина хоть как-то утешала Клячко своей горечью, она позволяла не щадить ни Ильина, ни Усанкова, никого не жалеть, тогда тебя будут чтить и даже любить. С этим Ильиным, выходит, он обманулся. Пострадал. Но это не было ошибкой. Он, Клячко, не совершал ошибок. Все, что он делал, было правильно. Не он ошибся, а ошибся Ильин, поспешив высунуться. В сущности, это он, Клячко, выманил Ильина своим предложением. Подсознательно выманил, инстинктивно, потому что у Клячко безошибочный нюх.

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Как я его раскусил? Я ведь вас насквозь вижу, - объявил он Усанкову. - Волки вы, хищники. Накидываетесь, как только учуете, эх вы... - От сочувствия к себе слезы выступили у него на глазах. Зрелище было необычное.

- Ну что вы, Федор Федорович, это у Ильина какой-то срыв, какой он хищник.

- Срыв?.. С ним что, бывает?

- В каком смысле?

- А ты мне рассказывал про этих... вчера... - как бы безразлично напомнил Клячко.

Брови Усанкова поднялись, и лицо его остановилось.

- Господи, он похож на того... поручика, - пробормотал он и рванулся к двери, но Клячко с неожиданной ловкостью опередил его, преградил дорогу...

Ильина он нашел у главного инженера. Усанков вошел без стука. Они стояли у окна. Лицо, лоб у главного инженера были в красных пятнах.

- Кто там? Нельзя, - сказал Ильин.

Усанков не обратил на это внимания. Тогда Ильин подошел, взял его под руку, вывел из кабинета. Они спустились вниз. Ильин посмотрел на часы.

- Мне в Спасскую церковь надо, - сказал он.

Усанков не удивился.

- Я тебя провожу.

Шли молча, быстро, через какие-то проходные дворы, разрытые проулки. Две молодые цыганки закричали им со смехом: "Сергей, иди ко мне скорей!" По бульвару шествовала процессия старух с собачками.

Усанков никогда не понимал этот город. Во всех остальных городах он чувствовал себя столичным жителем, всюду царил провинциальность; ленинградцы тоже при всем их гоноре плохо разбирались в движениях Власти, но провинциальной жажды быть в курсе, все знать, приобщаться не было. Каким-то образом они убергли независимость.

Старинные дома, обшарпанные, в ржавых подтеках, сохраняли белую красоту. Черты былого можно было заметить в балконных перилах, в кованом узоре полуманых ворот, где-то под крышей выступали остатки герба, облупленные львиные головы. Бывая в Ленинграде, Усанков ощущал какой-то упрек. Вот и сейчас, шагая за Ильиным по площади к белому раскидистому собору с зелеными куполами, отгороженному странной оградой из пушек и цепей, он испытывал смутную виноватость перед этим городом, перед высокомерной его красотой, недоступностью. В сущности, Усанков всегда оставался здесь чужим. Нигде не был чужим, а здесь был, здесь ощущал себя деревенщиной.

На паперти перед ними невеста откуда появился сухонький сгорбленный старичок в зеленом вельветовом пиджачке. Вид у него был обтрепанный, как у той нищей братии, что побиралась у входа. Отличали его толстые очки и бесшумная легкость, невесомость. Ильин почтительно поздоровался с ним за руку, представил как Альберта Анисимовича. Усанков назвал себя, буркнул фамилию, но старичок сказал дребезжаще:

- Весьма приятно, Игорь Андреевич, - и церемонно наклонил голову в беленьком пуху.

Усанков слушал, как они заговорили о каком-то Витяеве, который посылал фотографию с портрета какого-то Немировского. Ильин удивлялся и радовался тому, что это Витяев, нетерпеливо развязывал папку, где была фотография, никак не мог справиться с тесемками, а открыв, испуганно застыл.

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru
- Ему тут лет тридцать, - обратился он к Альберту Анисимовичу неуверенно.
- Думаю, это перед кампанией.

Потом Ильин протянул фотографию Усанкову. В овале резной рамы был портрет офицера с крохотными усиками и длинными курчавыми бакенбардами. Выгнутые тонкие брови придавали его лицу наивность и мягкость.

- По-твоему, похож? На меня?

Усанков смотрел то на портрет, то на Ильина - те же вздернутые губы, тот же нос, пытался вспомнить, каким был Ильин лет двадцать назад, двадцать с лишним, когда они познакомились. Они сидели в номере у Тимофеева, шикарный был номер-люкс с тиснеными обоями, они трепались, пели песни, а Ильин распевал частушки срамные, а кроме того, они ругали Клячко... Бог ты мой, уже тогда был Клячко! Министры сменились трижды, Тимофеева похоронили, а Клячко сносу нет.

- Ничего общего, - ожесточенно сказал Усанков. - Не похож, не та порода. Какой из тебя гусар!

- Нет, ты сравни.

- Сравниваю. У тебя брюшко, у тебя плешь, сутулый, куда вы, папаша, лезете? А в те годы ты совсем был тюха-матюха. Это теперь поднабрался номенклатуры.

- Врешь ты все, - сказал Ильин. - А как по-вашему, Альберт Анисимович?

- Смотря какое сходство вы ищете, - помолчав, неохотно ответил старик. - Все люди, да всяк человек сам по себе.

- Вы, папаша, напрасно эту тему раздуваете, - сказал Усанков угрожающе. - С какой целью?

Альберт Анисимович слушал его, склонив голову, изображая робость и послушание, однако глазки его посматривали из-под бровей с насмешливым интересом.

- Ищет человек, спрашивает, вот я и осмелился дорогу показать. Хотя и предупреждал.

- Куда показываете? Куда? Да и почему берете на себя? Какой из вас указчик? - уже совсем грубо одернул его Усанков.

Тогда старик отступил в сторону, галантно махнул рукой, поклонился, как бы уступая путь.

- Не могу перечить вам, тем более вы лицезрели поручика самолично...

- ...Допустим, нарушали законы, - вдруг заговорил Ильин, - продолжая всматриваться в портрет. - Подлейшим образом проникли, враньем, обманом и прикончили. Все на лжи было. Позор. Согласен. Возникает другой вопрос: почему на Сталина ни одного покушения не было? Никого не нашлось. С собой кончали от ужаса, от стыда. Стрелялись. От страха. А на диктатора руку не осмеливались поднять. На царя, помазанника божьего не побоялись. Правда, скопом навалились. И то стыдно, и это опасно, - он говорил негромко, словно бы сам с собой. - Что ж это - ни одной души отчаянной, чтобы восстать...

- Дошло! Добралось! - воскликнул Альберт Анисимович. - Правильно. Всякому своя пора должна быть стыднее. Ведь и в Ленина несколько раз стреляли. А как же... Резонно. Война. Резон! Из гвардии в гарнизон! А потом дошли до рабства подлого.

- Извините, Альберт Анисимович, нам пора, - сказал Усанков. - У нас правительственная комиссия. Горячка.

- Разумеется. Какой может быть разговор.

- Вы мне позвоните, - сказал Ильин.

Альберт Анисимович поправил очки, слабо покачал головой.

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Вряд ли. Времени у меня не осталось.

- Как же так? – забеспокоился Ильин. – Мы с вами должны еще выяснить. У меня ведь прямых доказательств нет.

- Вы уж меня простите, – Альберт Анисимович подошел к Ильину, заговорил с ним тихо, почти шепотом и, поклонившись Усанкову, удалился в приоткрытую дверь собора.

- Надо мне дождаться его, – сказал Ильин.

Усанков посмотрел на часы.

- Невозможно.

- Это для меня очень важно.

- Что еще случилось?

- Мне надо узнать про свою мать, про себя.

- Шеф уже в гостинице, он рвет и мечет. Нам торопиться надо, пока он...

- ...от этого многое зависит, – продолжал, не слушая его, Ильин. – Если она была правнучкой...

- ...не стал вызывать твоих хлопцев и обрабатывать их, среди них быстро найдутся...

- Мне надо узнать, кто я такой.

- Могу сказать: ты мудака, ты идиот, если ты до сих пор не понял это.

- Мне наплевать на твоего шефа и на все его приготовления.

- Послушай, Серега, ты, конечно, герой, ты смельчак, но поехать надо, я тебя прошу.

- Зачем?

- А затем, что мы приедем и ты подпишешь бумагу, которую он сочинил, отдельно, чеканя каждое слово, проговорил Усанков. – И порядок. Все будет забыто.

- И потом? – спросил Ильин. – Что будет потом?

- Ты погонишь в шею всех этих иллюзионистов, артистов, священников, мошенников.

- Какие артисты, это не артисты, ты знаешь.

- Это были артисты, артисты, – упрямо повторил Усанков.

Ильин посмотрел на него с интересом.

- А ты боишься признать.

- Я за тебя боюсь.

- За меня?

- Ты помнишь, как сделали Алешу Курочкина?

Он не мог не помнить. Сперва Курочкину приписали склоку, потом клевету. Курочкин не унимался и доказывал, что министерские заправилы заключают невыгодные договора с австрийцами не случайно, они получают за это подарки... Однажды вызвали санитаров, тут же, в министерстве, связали его, вкатили укол и увезли. С тех пор он мыкается по психушкам.

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Думаешь, Клячко постесняется, он состыковал твою выходку и твои привидения и понял, что на этом можно сыграть. У него нет запретов.

Страх должен был вылезти. Сколько бы ни хорохориться, у каждого из них внутри укоренился страх, родимый, с которым они выросли. Тот самый, липкий, потный, что накиннулся на Усанкова ночью в купе.

- Откуда он узнал про поручика и прочее?

- Я рассказал. Сидели, болтали в поезде. В порядке анекдота.

- Значит, я тебе обязан. Спасибо.

- Кто же знал.

- Ты его не разуверил? Чего ж постеснялся? Ты-то мог подтвердить.

- И что? Артистов принял за привидения - смешно. А дальше не смешно. Утром резвился, к обеду взбесился. Ты сам разбудил чертей. У него теперь одно объяснение - псих. И выход один - упечь тебя в больницу... Поступки нелогичные, нес чужь. Все это, конечно, если не пойдешь на мировую...

- Не упечет, - сказал Ильин спокойно.

- Почему же?

- Ты не позволишь.

- Я? Я ему не указ.

- Ничего, ты постарайся.

Усанков заложил руки за спину, крепко сцепил пальцы, тон Ильина удивил его нагловатостью, вроде никак не свойственной их отношениям, где всегда командовал Усанков.

- Ишь ты, как уверен.

Ильин похлопал себя по карману куртки.

- Забыл про свое свидетельство? Так что если в дурдом, то вместе отправимся.

Усанков от души расхохотался.

- Молодец, Серега! Отличный шантажист из тебя получился!

Разгадка удручала своей простотой и в то же время обрадовала Усанкова. Потому что страх не мог никуда деться, он сидел у Ильина в печенках, селезенках, в самом нутре, а вот то, что он, Усанков, недооценивал Ильина как противника, это факт. Никогда Ильин не был в противниках, и сейчас Усанков по-новому как бы просчитывал Ильина: доверчив, долго сопротивляться не может, умен, но душевно ленив, инертен...

Белые двери церкви скрипели и хлопали, когда приоткрывались, оттуда доносилось пение, волна нагретого свечного воздуха обдавала Усанкова сладковатым запахом.

- А тебе не надоело? - вдруг спросил Ильин.

Он сразу понял, о чем это, он не привык к таким вопросам, он вообще не любил отвечать, он предпочитал спрашивать. Он нахмурился. Ильин смотрел на него с участливостью.

- Надоело, - сказал он. - Еще как надоело, - и тотчас оборвал себя. Все равно надо возвращаться.

- Зачем тебе это?

- Не мне, а тебе.

- А тебе зачем?
- Мне? - Усанков подумал. - Иначе смысла не будет.
- Смысла в чем?
- Если отступить, смысла не будет во всей нашей борьбе, - ответил он скорее дежурно, чем уверенно, потому что объяснить это было невозможно.

В том-то и беда, что никому не объяснишь. Один лишь Клячко мог его понять. Потому что Клячко знал всю мерзость сделок, лжи, обманов. Все, в чем участвовал он, Усанков. И то Клячко не все знает. Потому что были и собственные интриги, сговоры, потому что надо было сохраниться. Не просто сохраниться, надо было добраться до ступени, с которой можно было начать действовать. Чем выше он поднимался, тем больше перед ним открывалось низости, тем больше приходилось в ней участвовать. Два года назад ему доверили поехать на юг заказать ковер с вытканым портретом супруги крупнейшего человека. Потом доверили докладывать про завод, который досрочно построен. Хотя его еще и в помине нет. И все получили за него награды. Когда-то он поклялся себе уничтожить всю эту кодлу во главе с Клячко. Теперь, когда они зашаталась, когда еще немного и эта клика падет, нельзя отступить. Чего ради? Чтобы дать уйти Клячко тихо, спокойно на союзную пенсию, с почетными проводами, с дачей в Жуковке, со всеми наградами? Не выйдет, он добьет Клячко, и все грехи будут отпущены. Лишь бы не промахнуться, ударить наверняка. Отказаться от этого удара? Тогда вся пакость, в которой он участвовал, не получит оправдания. Тогда действительно прощения ему не будет. Останется он, карьерист, халуга, лжец, пособник Клячко, такой же преступник.

Ничего этого Усанков не мог изложить. Он не привык откровенничать, тем более разбираться в своих переживаниях. Не было в этом надобности. Со своими чувствами он умел справляться, они гасли внутри, надежно прикрытые его иронично-озабоченным видом. "Технар!" - посмеивалась над ним жена. "Технар" был удобный образ, имидж, как называют американцы. Технар значит, поглощенный делами, проектами, никаких сомнений в себе. Его психика работала безупречно, на нее не влияли настроения, семья, погода, политика и тому подобные помехи. Он следил за своим организмом - теннис, бассейн, лыжи, не передал, был в хорошей форме. Они с Ильиным одногодки, а выглядел Усанков всегда лучше.

...Тон Усанков выбрал сочувственный, произошла глупость, с кем не бывает, не сдержался, Клячко спровоцировал, все понятно, Ильин считал, что благородно поступает, признался, очистился и всякое такое. На самом же деле он подыграл Клячко, выручил его. С анонимкой бороться сложно, если же автор известен, тогда все проще, можно его оклеветать, мол, мстит, склочник, псих, распутник. Метод отработан. Станут заниматься не письмом Ильина, а самим Ильиным. Анонимщик, тот неуязвим, его не ухватишь, не опорочишь. Теперь, когда Ильин подставился, в ход пойдут самые подлые средства. Клячко бандит, он признает только силовые приемы...

Получалось логично, убедительно, но Усанкову казалось, что все его слова бессмысленны.

- Поскольку мы ввязались в войну, то надо уметь и отступить. Сплошных удач не бывает.
- На войне тоже должны быть правила, - сказал Ильин. - Их нельзя переступать.
- Раньше ты мог. Написал ведь анонимку. И неплохую. Две недели назад. И нате, все испортил. Чего тебя укусило?
- Стыдно стало. Мне теперь все чаще стыдно. Стыдно и то, что раньше стыдно не было. - Ильин оживился. - Куда ни погляжу, стыдно. Как мы разговариваем между собой. Как врем. Кого ни слушаю, стыдно. Кругом ненависть. Главного моего обидел Клячко. Понятно. Он ненавидит Клячко. Клячко - его. Ты - Клячко. У тебя борьба с Клячко стала целью. Все борются, все готовы на все идти. Все жаждут отомстить, разоблачить, и чем дальше, тем злее. Это же капкан.

В их среде считалось неприличным заводить такие разговоры. Интеллигентская дребедень, стыд, совесть, непохоже все это было, несвойственно Сергею Ильину,

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru который для Усанкова был человеком дела прежде всего. Их гордость и преимущество состояли в том, что они не выступали с речами, не занимались политикой, философией, они вкалывали. Плохо ли, мало ли, но они оборудовали цеха, обеспечивали электропроводом, моторами, двигателями бумажные комбинаты, печатные машины...

Он вспомнил свой недавний разговор с американским фирмачом. Обсуждали условия стажировки. Усанков, несмотря на свой плохой английский, понимал этого красноносого верзилу с первых слов, все решалось просто, быстро, куда проще и приятнее, чем со своими министерскими боссами. Американец говорил "о'кей", как прихлопывал печатью свою подпись, и Усанков понимал, что этого "о'кей" совершенно достаточно. От американца исходило добродушие и дивное ощущение хозяина, он сам распоряжался собою, своим делом, и это был не просто хозяин своего небольшого бизнеса, это был еще и главный человек страны, потому что такие, как он, хваткие, практические люди были в чести, от них зависела деловая жизнь, и они могли выложиться во весь свой талант, показать всю свою силу, ловкость, сообразительность. А мы возимся друг с дружкой, барахтаемся, связанные по рукам и ногам, и кичимся своими нравственными терзаниями, без них ты не интеллигент.

- ...высший суд существует не только для верующих. Для нас тоже. Суд потомков - это же загробный суд.

- Ты что, верующим стал?

Ему хотелось смутить Ильина, но Ильин ответил доверчиво:

- Стал бы, да никак не получается.

Женщина рыжеволосая, гладко зачесанная, сойдя с паперти, обернулась, трижды перекрестилась. Низкое солнце вспыхнуло в ее волосах, словно огнем обдало и осветило тайную красоту ее лица. Усанков подумал, что вот так крестились и сто, и триста лет назад, когда не было этого собора, не было еще Петербурга, и через сто лет люди будут так же истово креститься, несмотря на космические станции и компьютеры.

- Зайдем? - сказал Ильин, и Усанков неожиданно согласился.

В церкви было немного народу. Служба кончалась. Наверху было светло, внизу горели свечи, в притворах темно поблескивало серебро окладов, белели кружевные салфетки. Священник читал молитву, и этот хрипловатый голос, запах ладана, каменные плиты пола всколыхнули что-то давнее, детское в душе Усанкова, чья-то рука ему припомнилась, рука на его плече и такой же голос, он ребенком стоит, ему ничего не видно, только когда все кланяются, опускаются на колени, открывается золотое сияние. Невесть когда это было и невесть где, может, в их деревенской церкви, но что-то очнулось в нем, какая-то теплая печаль как сожаление об этом забытом детском чувстве восторга и какого-то благоговения, когда он тоже молился вместе с бабкой. О чем молился? Просил ли он что, просто повторял таинственные слова или шептал, поверяя что-то свое... Господи, как давно это было, ужаснулся Усанков и увидел свою жизнь законченной и время, когда не будет ни Ильина, никого из друзей, ни жены и самого его не будет. Время это выглядело странным, пустынным, что-то в нем должно было, конечно, остаться от Усанкова, как от деда остались в памяти наигрыш на балалайке и несколько частушек, ничего больше детская память не сохранила. Почти от каждого что-то остается. Правнукам достанется смутное предание о чиновнике, который с кем-то там боролся, с каким-то прохиндеем, потратил на это годы и сам погряз. Гордости от такого предка не будет. Ничем он не прославился. Интриги, пустые хлопоты, в общем и целом, сочтут, что все те деятели друг друга стоили, довели страну до ручки. Все лгали, обманывали, сцепились, не разобрать, кто за что, кто прав, кто виноват - одна шайка-лейка. А ведь того Игоря Усанкова природа кое-чем наградила, да все так и пропало.

Впереди у колонны стоял Ильин, каменно неподвижный, ушедший в себя. Голову наклонил, смотрел в пол, словно на похоронах, словно в почетном карауле застыл.

Высокие женские голоса пели "Господи, помилуй". Голоса были слабые, и это было чем-то трогательно. "Господи, помилуй" повторяли они то часто и быстро, то протяжно, вкладывая в слова эти мольбу и надежду. "Господи, помилуй", - невольно

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru стал повторять Усанков, представляя свои похороны, гроб, оббитый шелком, кружевами, впрочем, бумажными, да и шелк не шелк, только цветы настоящие. Гражданская панихида, речи, все тоже искусственное, потому что никто не будет знать об истинном замысле жизни Игоря Усанкова, так и не успевшего... Как детективный роман без развязки. Все заподозрены, все под следствием... "Господи, помилуй!" – повторял Усанков, ужасаясь несправедливости такого конца. "Господи, помилуй" – уже всей душой обращался он, глядя в пронизанную дымными лучами высоту купола.

Нагретый свечами воздух струился, темные лики икон дрожали, шевелились, как живые. Опрятно начищенная бронза отражала крохотные огни, все кругом золотисто мерцало. "Господи, помилуй меня, пока не свершится задуманное!"

Рядом явственно кто-то шептал:

– Господи всемогущий, спаси нас!

Это не мог быть Ильин. По лицу Ильина видно было, что он ни о чем не молил, не просил, он слушал это песнопение, вдыхал эти запахи, куда-то уплывал, растворяясь в этом неярком блеске.

Усанкову стало жаль и его, Ильина, не понимающего, что его ждет. Господи, помилуй и его, подумалось Усанкову, помилуй и вразуми. Именно вразуми, ему нравилось это слово, пусть Господь вразумит его, иначе придется его убрать с дороги. Хоть бы он убоился...

Они спустились в церковный садик. Тонкую ограду украшали стволы старинных пушек. На одном из дубов чирикали, верещали воробьи. Все ветки были усыпаны ими. Ильин смотрел на это кричащее дерево, блаженно улыбаясь.

– Ну как, поехали? – сказал Усанков. – Время-времячко идет.

– Ты помнишь того поручика? – спросил Ильин.

Усанков помедлил, разгадывая смысл вопроса.

– Помню, – сказал он решительно.

– И считаешь, что я не похож?

– Нисколько.

– Да... Слишком поздно мы встретились с ним, – добавил Ильин.

– Он к тебе не имеет отношения.

– Может быть... Теперь это не важно, – сказал Ильин. Он порылся в кармане, извлек смятый конверт. – Бери.

Усанков сразу узнал свое письмо, вспомнил, как не хотел писать его, словно предчувствуя.

Жест, с которым Ильин протягивал ему письмо, выглядел барственно, словно милостыню подавал. Надо было бы пожать плечами тоже свысока. Вместо этого схватил его, будучи не в силах удержаться, тут же развернул, проверяя, не копия ли, все это поспешно, постыдно, обрадованно.

– Чего-то вы раздобрились, ваше благородие, – сказал с ненавистью к себе и еще больше к Ильину.

– Бери, бери. И не бойся. Ничего с тебя не спрошу.

– Ах ты, благодетель грошовый, что ты из себя строишь? Я-то знаю тебе цену, распиндай ты... – Усанков выругался, не сумев сдержать себя. – У тебя и вправду мания. Кто боится, кто? Ты боялся, слабак ты, себе не поверил. Без моего письма не мог. Свидетель тебе нужен был. Дохлая у тебя вера, на моей бумажке заторчала, – он с яростью стал рвать письмо, складывал и рвал, складывал и рвал. – Все! Другого свидетельства не будет!

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

- Вот и хорошо, - равнодушно сказал Ильин.

Они молча и быстро ходили вдоль паперти. Усанков старался справиться с собой. Обижаться, ссориться - все это давно не применялось в деловых отношениях, это была непозволительная роскошь, да и бесполезная. В конце концов, Ильин заслуживал благодарности.

- Ладно, Серега, меня бабка учила: бесы в воду, пузыри вверх. Что означает: давай мириться, - Усанков пригладил волосы, вздохнул, словом, сбросил с себя ношу. - Давай так: ничего не было, никого мы не видели, все позабыли.

- И все можно начинать сначала. Кончили одно вранье, начинаем другое. А если это был знак?

- Кому? О чем?

- Мне... напоминание, - с запинкой сказал Ильин. - А тебе... тоже.

- Чувь это все собачья! Астрологи! Экстрасенсы! Предсказатели! Исцелители! Расплодилась нечисть, как мухи вьются над гнилью. Верный признак разложения нашего общества.

- Передо мной что-то приоткрылось, - сказал Ильин. - Я решил поверить и пойти до конца.

- Куда? - насмешливо спросил Усанков. - Серега, понимаешь, что ты горишь синим пламенем? Тебе спастись надо. Если не дурдом, то все равно он тебя доконает. Это мы с тобой тут лялякаем, а он времени не теряет. Он твоих гавриков обрабатывает сейчас, чтобы они на тебя строчили. Он тебя ославит так...

- Меня Клячко больше не интересует.

- Тебя выгонят. Сперва снимут, а потом станут доводить.

- Это уже не имеет значения.

- А что, что имеет значение?

Перед ними вдруг очутился Альберт Анисимович, откуда он взялся, Усанков не заметил, скорее всего, из той толпы старушек и калек, что были на паперти. Приоткрыв рот, он застыл, как бы вспоминая что-то, затем произнес нараспев:

- Горстку вечерних чувств, что нам осталось, истратим на уход туда, где мир продолжается без людей!

- Я вас все же прошу, - сказал Ильин. - Вы мне обещали еще в самом замке показать.

- Да, они там кое-что нашли... Но, увы, голубчик, мне бы успеть закончить свои земные дела, помирать не люблю на ходу, - он сказал это весело. - И вам не рекомендую.

- Вот и чудненько, - сказал Усанков тоном председательствующего. - Не будем мешать, человеку надо подвести итоги, мы пойдем.

- Замолчи, - оборвал его Ильин. - Вы не должны меня сейчас оставить, Альберт Анисимович.

Альберт Анисимович, наклонив голову набок, по-птичьи осматривал их обоих.

- Позвольте спросить, кто ваши предки? - неожиданно спросил он. - Был такой священник Усанков в здешнем приходе.

- Мы из мужиков. Из псковских, - язвительно сказал Усанков. - Так что не клейте мне.

- А вы ведь слукавили насчет портрета, - темное морщинистое веко его за стеклом

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru подмигнуло. И, не дожидаясь ответа, он повернулся к Ильину. Оставить вас, наверное, грех. Но и уводить вас грех.

- Все равно, - сказал Ильин. - Хватит. Все равно я уже не участник.

- Чего ты не участник? - спросил Усанков.

- Тараканьих бегов ваших.

- Уже ваших?.. А ты откуда вылупился? У нас, значит, мерзость, вранье, суета. Где ж это можно нынче жить по чести? Адресок имеешь? С этими вот, бомжами? За чей счет вы жить изволите, а? И соблюдать чистоту? А я вот не соблюдаю. Не в состоянии. По уши в грязи, да-с! - он весь изогнулся, искривился, руками завертел, галстук его бордовый и тот винтом свернулся. Я бы тоже хотел, а вот должен вернуться, и если ты не согласишься подписать бумагу, ту самую, если не согласишься анонимочку оставить анонимочкой, то сяду сочинять акт комиссии на тебя и твое бюро. Будем смешивать тебя с дерьмом. Я ему формулировочки буду подсказывать. Обязательно буду. Такие заверну, чтобы ты не отмылся никогда. А как же. Что, не хорошо? Так ты же правды хотел. Вот и получай, чего кривишься. Буду угождать, тебя продавать, чтобы сохраниться. Вот, дорогой Альберт Анисимович, как оно отрыгнется...

Никогда не позволял себе так откровенничать. Защитное устройство со всей блокировкой, предохранителями не срабатывало. Сигналы доходили, а он продолжал выворачивать себя наизнанку, получая удовольствие.

- ...Ты у нас за всех стыдишься. Стыдильник всеобщий. А за себя тебе не стыдно? Почему же? Ведь это ты заставляешь меня продолжать, да не то чтоб продолжать, это я из-за тебя должен буду на брюхе выползать, по дерьму елозить. Мне некуда укрыться - ты себе предков придумал, а у меня нету!..

Ильин кивал мелко и холодно. Они проходили улицу шумную, магазинную, людную. Альберт Анисимович шел впереди, он не мог слышать их разговора, но тут он обернулся и сказал:

- По вашему однофамильцу, священнику, я могу вам документы оставить. Презабавнейшие!

Усанков махнул рукой грубо, раздраженно, не путайся, мол. Старик этот вызывал чувство тревоги, как будто он знал про Усанкова что-то, не известное самому Усанкову.

- Разве дело в Клячко. - сказал Ильин. - Будет другой, много ли изменится. Даже если ты займешь это место. Все это самообман.

Удар был чувствительный. Конечно, Усанков имел что возразить, но его больше всего уязвило чувство превосходства, с каким это было сказано, и кем, Серегой Ильиным. Что он мог знать? В сущности, мелкая провинциальная сошка. Таких в подчинении Усанкова десятки. Что он сделал, чтобы так чваниться и поучать его, Усанкова, попрекать его, который, выбиваясь из сил, тащит этот воз, единственного, может, во всем управлении, который бьется, чтобы обеспечить страну моторами, аппаратурой... В результате и от Клячко удары, и от этих презрение. Один в поле воин. И перед ним возникла картина из детской книги о Дон Кихоте, смешной рыцарь с тазиком вместо шлема, на тощей кляче, пустынная равнина, длинное тяжелое копье. Сзади Санчо Пансо; хоть был Санчо, здесь же полное одиночество, никого не осталось.

Перейдя мост, они очутились перед знакомой Усанкову красной громадой замка, что поднималась за молодой зеленью лип. Блистала облупленная позолота шпиля. Замок показался Усанкову еще выше и угрюмей, чем в прошлый раз. На набережной Альберт Анисимович остановился, отдышался, прислонился к чугунным перилам.

- Где-то здесь тот анекдот с нами случился, - сказал Усанков, оглядываясь.

- Анекдот? - Ильин поднял брови.

Пока Альберт Анисимович отошел за дерево, пытаясь прикурить на ветру, Ильин объяснил, что у старика тут в замке в архиве хранятся его работы насчет убийства

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru Павла, разыскания про офицерские заговоры, записки об истории порядочности в России. Он хочет кое-что передать из этого Ильину и еще показать в замке некоторые странные закоулки.

- Пойдем? - предложил Ильин.

- Нет, с меня хватит.

- Ты не заметил в нем что-то особенное? Я думаю, он способен видеть... - он не кончил, потому что Альберт Анисимович, дымя, подходил к ним.

- Все же любопытно узнать, - обратился он к Усанкову, - вы отвергаете, несмотря на личное свидетельство, в силу сомнений, есть у вас доводы либо же действует идеология, то есть вы вообще не верите?

- Во что? - зло отозвался Усанков. - Во что я должен верить?

Альберт Анисимович молча смотрел на него.

- Послушайте, мы же с вами образованные люди, - сказал Усанков.

- И что же?

Теперь Ильин тоже смотрел на него с ожиданием. Усанков мог бы отделаться ловким ответом, как-то вывернуться. Вопрос задавался о тех офицерах, что привиделись им, только о них, но в том-то и дело, что каким-то образом все вдруг сместилось в иное, о чем он не обязан был отвечать. "Господи, помилуй, Господи, помилуй", - запели женские голоса часто, а потом протяжно, забираясь все выше и сладостно замирая где-то под сводами купола.

- Я с полным уважением, но сам, извините, - он растянул губы в усмешке, - не верю. Ни во что такое не верю. Ни в преисподню, ни в небеса, - он услышал, как внутри него что-то щелкнуло, будто дверь захлопнулась.

Взгляд Альберта Анисимовича погас.

- Между прочим, привидения, миражи, джинны и лешие к церкви не относятся, - с вызовом сказал Усанков.

- По-видимому. Но она признает чудо. Мир без чудес ужасен. Верить значит, верить и в чудо.

- Какие чудеса вы могли бы нам показать? - поинтересовался Усанков.

- Прекрати!

Властность, с которой Ильин произнес это, возмутила Усанкова.

- Почему же? Таким, как я, надо доказывать. Меня тошнит от твоей доверчивости. Желаю успеха, только учтите, гражданин кудесник, вы хоть и верующий, а делаете скверное дело. Куда же вы его тянете? Так ведь в самом деле рехнуться можно. Серега, очнись, - теперь он обращался к Ильину без особой надежды и без особого сожаления. - Не заметишь, как переступишь. И как, сойдешь с катушек.

Показалось ему или нет, что Ильин вздрогнул, волна страха исказила его лицо. Затем все ушло, может, вышло, взгляд его прояснился и Ильин молча покачал головой.

- Романтика... а все равно вернешься, - сказал Усанков. - Если успеешь, конечно. Придешь. Куда денешься? Деваться-то некуда.

Ильин поднял молнию куртки до отказа, невесело засмеялся.

- Деваться некуда, это верно. Но и возвращаться нельзя.

- Пропаций ты человек.

- Вот я и хочу пропасть, - тихо и серьезно произнес Ильин.

Неизвестный человек. Даниил Александрович Гранин granikdaniel.ru

Усанков облизнул пересохшие губы.

- Да, лучше будет, если ты пропадешь.

Тяжелое вечернее солнце отражалось в зеленовато-желтой воде Фонтанки. От воды несло гнилью. Усанков шел по мосту. Старомодные фонари блестели бронзой. Не было конца этому дню с его негаснущим небом в паутине проводов, в бензиновом перегаре. Тусклые окна старых домов, угрюмая толпа, ободранные машины и ненужная этому городу устаревшая белая ночь.

Там, за его спиной, что-то происходило. Он не разрешал себе обернуться. Он чувствовал груз своего шага, пространство, которое натягивалось и рвалось. Перейдя мост, он поднял руку, голосуя. Его ждал Клячко, ему надо было подготовиться к встрече, как-то пояснить, представить... Садясь в тесный "Запорожец", Усанков так и не обернулся. И только когда машина, урча и стреляя выхлопом, тронулась, что-то обдало его холодком, словно плащом махнуло, пытаясь удержать. Стоило чуть задержаться, шагнуть в сторону от исхоженной тропы, согласиться. Тайна подавала знак, она прошла совсем рядом. Возможность необычного представилась ему раз в жизни, одному из миллионов... Нет, он не имел права предаваться этим фантазиям. Ему предстояла тяжелая схватка с Клячко. Придется кое-чем пожертвовать. Ильин выбыл из игры. Анонимку лучше оставить анонимкой. Душевное расстройство и всю эту бредовину приберечь, не раскрывать... Постепенно его машина расчетов, это прекрасное устройство оживило, заработало, набирая скорость, возвращая его к истинной жизни, ужасной и единственной, которую он признавал.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://granikdaniel.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!